

TABLE OF CONTENTS

Slavia Islamica Language, Religion and Identity

Edited by

Robert D. Greenberg and
Motoki Nomachi

SLAVIC RESEARCH CENTER

Hokkaido University
Sapporo, 2012

provides a detailed overview of the twelve articles in the volume, making important corrections and additions when needed, and providing a useful overall framework for understanding the disparate Slavic-speaking Muslim communities of Kosovo, Albania, Macedonia, Greece, Bulgaria, and Turkey. He concludes that despite the volume's flaws, it provides valuable data and represents an important contribution to Southeast European studies.

The final contribution in this volume is by Svein Mønnesland, who reviews Hanka Vajzović's 2008 monograph on language and national identity in Bosnia-Herzegovina (*Jezik i nacionalni identitet*). Mønnesland brings forth the key points from Vajzović's thorough analysis of the complex language situation in Bosnia-Herzegovina, and highlights her refreshingly non-nationalistic approach to the question. He agrees with Vajzović's conclusion that the symbolic function of language as a marker of separate national identities has come at the expense of the communicative function of language.

While this volume does not pretend to cover all aspects of Slavic/Islamic interactions, it provides a comprehensive picture of some of the key points of convergence and divergence between the Slavic and Islamic worlds. Given the emergence of several new or reinvigorated identities and ethnic/national groups in the Balkans over the past century, it is not surprising that the bulk of the attention in this volume is focused on the contemporary Muslim Slavic communities of the Balkans. Nevertheless, as this volume demonstrates other regions and historical periods characterized by intensive Slavic/Islamic contact help fill out a rich understanding of Slavia Islamica, a supranational community of Slavs influenced and shaped by Islamic culture and peoples. It is my hope that the scholarship presented in this volume will inspire new directions for research on this topic, and that new aspects of Slavia Islamica will be discovered and analyzed in the future.

Особенности боснийского/бошняцкого языка по отношению к сербскому и хорватскому

Бранко Тошович

Бошняцкий/боснийский язык является одним из преемников бывшего сербохорватского языка. Этот язык вместе с сербским, хорватским и черногорским относятся к группе южнославянских языков.¹ На BS, CG, HR и SR говорят бошняки (боснийские мусульмане), сербы, хорваты и черногорцы.² Общая численность говорящих на этих языках – 17 млн. человек. BS, HR, CG и SR стали официальными языками возникших на протяжении последних 15 лет государств: Боснии и Герцеговины, Сербии, Хорватии и Черногории. Бошняки, сербы, хорваты и черногорцы используют два алфавита: латинский и кириллический. При этом у бошняков и хорватов в настоящее время употребляется латиница, а у сербов распространены оба алфавита, но кириллица имеет преимущество как основной алфавит. Кроме этого, в BS, Hr, Sr есть три производных варианта, которые носят название «экавский», «иекавский» и «икавский» в зависимости от рефлексов праславянского звука «ять» (ě).

1 Далее вместо полного названия этих языков в основном используются следующие сокращения: боснийский/бошняцкий язык – BS, сербский язык – SR, хорватский язык – HR, черногорский язык – CG.

2 Сокращения: BS – боснийский/бошняцкий язык, SR – сербский язык, HR – хорватский язык, CG – черногорский язык.

Вплоть до 1990 г. язык, используемый на территории современных Боснии и Герцеговины, Хорватии, Сербии и Черногории, официально назывался *сербохорватским* (*srpskohrvatski*) или *хорватосербским* (*hrvatskosrpski*).³ Когда Босния и Герцеговина, Хорватия и Сербия вместе с Черногорией в начале 90-х годов XX в. обрели самостоятельность, произошло изменение общественнополитической ситуации, которое вызвало и изменения на языковом уровне. В Боснии и Герцеговине бошняки (которые стали именовать себя так с начала 90-х годов) объявили государственным языком *боснийский* (*bosanski jezik*), но против этого выступили сербы и хорваты, обосновывая свою точку зрения тем, что этот язык, стандартизированный на однопациональной (бошняцкой) основе, должен носить название, производное от названия нации, а не от названия территории (*бошняцкий* – *bošnjački*, а не *боснийский* – *bosanski*). Сербы и хорваты Боснии и Герцеговины называют свои языки *сербским* (*srpski jezik*) и, соответственно, *хорватским* (*hrvatski jezik*). Хорватия официально объявила государственным языком хорватский, а Союзная Республика Югославия (Сербия и Черногория) назвала свой язык сербским (в определенных ситуациях допустимо было употребление названия *сербохорватский*). Таким образом, на бывшей сербохорватской языковой территории существуют четыре литературных языка: в Боснии и Герцеговине – BS, HR (особенно в населенных хорватами областях Федерации Боснии и Герцеговины) и SR (прежде всего в Республике Сербской), в Сербии – SR, в Хорватии – HR, в Черногории – SR и CG.

BS, HR, SR и CG ведут свое развитие, как и остальные славянские языки, из праславянского. После распада праславянского этноязыкового единства образовались три группы близкородственных языков: восточная («древнерусская» племенная общность), западная (лужицкие сербы, поляки, поморские славяне, чехи, словаки) и

³ Термин *сербохорватский* (*Serbokroatisch*) впервые был употреблен Якобом Гриммом в предисловии к сделанному им переводу «Малой сербской грамматики» Вука Стефановича Караджича: Jacob Grimm, "Vorwort," Vuk Stefanović Karadžić (Jacob Grimm, trans.), *Kleine serbische Grammatik* (Berlin: G. Reimer, 1824).

южная (болгары, бошняки, македонцы, сербы, словенцы, хорваты, черногорцы). Каждый из этих этносов рано или поздно сформировал себе литературный язык. Вплоть до XI в. литературным языком служил старославянский, ставший первым письменно зафиксированным славянским языком. Из него возникли национальные варианты (изводы) церковнославянского языка.

У BS, HR, SR и CG много диалектов. Норма этих языков основывается на штокавском диалекте, который распространен на территории Боснии и Герцеговины, Сербии, Хорватии и Черногории. Штокавский является самым крупным диалектом BS, HR и SR. Он полностью покрывает собой территорию Боснии и Герцеговины, Черногории и Сербии, а также большую часть территории Хорватии. Кроме этого, в Хорватии есть еще два диалекта: кайкавский и чакавский. На кайкавском диалекте говорят около Загреба (в области Загорье), в остальных частях северной Хорватии и в районе Карловаца и Сисака, а на чакавском – в Истрии, вдоль большей части далматинского побережья, почти на всех островах и к западу от Карловаца.⁴

Бошняцкий / боснийский язык является языком бошняков, которые проживают на территории Боснии и Герцеговины, меньшая часть – в Хорватии, в Сербии и в Черногории (прежде всего в сербском регионе Санджак), а также в других государствах. Это южнославянский народ мусульманского вероисповедания, к которому принадлежит около 4 миллионов человек. Долгое время его представители назывались *боснийскими мусульманами* или (сокращенно) *мусульманами*. Поскольку это название одновременно относилось к национальности и к религии, то закрепилось орфографическое различие: название представителя соответствующей народности писалось с заглавным **М** (*Musliman*), а название представителя соответствующей религии – со строчным **m** (*musliman*). Кроме названия *бошняк* (*Bošnjak*) встречается обозначение *босниец* (*Bosanac*), которое выражает принадлежность к Боснии и Гер-

⁴ Названия этих диалектов происходят от форм вопросительного местоимения *что?* – серб., хорв., бошн.: *što?* = штокавский, *kaj?* = кайкавский, *ča?* = чакавский.

цеговине как к территории. Мусульмане Боснии и Герцеговины, которые в 1990-х годах приняли самоназвание *бошняки*, в 1992 г. объявили о существовании *боснийского языка* (*bosanski jezik*), но хорваты и сербы выступили против этого плетения, основываясь на том, что язык, который нормируется на мононациональной (бошняцкой) основе, должен получить название по национальному признаку (*бошняцкий* – *bošnjački*), а не по территориальному (*боснийский* – *bosanski*). Сербы и хорваты Боснии и Герцеговины называют свой язык *сербским* (*srpski*) и *хорватским* (*hrvatski*) соответственно. На протяжении своей истории бошняки пользовались различными алфавитами: латинским, кириллическим, так называемой босанчицей (особая разновидность кириллицы в Боснии и Герцеговине, а так же в Далмации), беговицей (алфавит дворянства) и арабицей, или арабицей (алфавит, сильно приближенный к арабскому). Первым боснийским словарем стал боснийско-турецкий словарь Мухамеда Хевайи Ускуфи (1631). В настоящее время существует три грамматики BS,⁵ свод орфографических правил и

5 Существует так называемая «Боснийская грамматика» («Bosanska gramatika»), которая может рассматриваться как инициированная Бенямином Каллаем попытка Австро-Венгерской империи закрепить за Боснией и Герцеговиной отдельный язык исключительно по политическим причинам. «Новая власть хотела как можно быстрее разобраться с названиями языков. Когда в 1882–1903 гг. Боснией управлял Бенямин Каллай, национальная языковая политика приняла однозначное направление: настойчиво проводилась поддержка боснийского патриотизма, отдельности боснийской нации и наименования *боснийский*. Эту идеологию надлежало проводить в жизнь и административными мерами. Поэтому в 1890 г. было официально закреплено понятие ‘боснийский язык’, а в Сараево была издана латиницей и кириллицей первая грамматика для межконфессиональных школ, которая придерживалась этой языковой политики: ‘Грамматика боснийского языка’ (*Gramatika bosanskoga jezika*). Этот факт вызвал в обществе жаростные споры. На одной стороне стояло правительство и мусульмане (они поддерживали название *боснийский*), а на другой – сербы и хорваты, которые выступали за обозначения *сербский* и *хорватский*. Все встали на защиту своей национальной святыни. Грамматика была издана анонимно, поскольку ее автор, хорват Фране Вулетич, в качестве протеста против насаждения понятия *боснийский* не пожелал быть названным по имени.

два словаря.⁶ В качестве основы для нормирования служат западноштокавские иекавские формы, записываемые латинским алфавитом. Для BS типичны заимствования из турецкого, арабского и персидского (ориентализмы, тюркизмы).⁷

Сербский журнал ‘Bosanska Vila’ отзывался о заглавии грамматики очень едко и иронично, а мусульманский журнал ‘Bošnjak’ – напротив, восторженно и уважительно. Там же обнаруживается тезис о том, что этот язык был подарен боснийцами другим народам: ‘Мы гордимся тем, что именно наш, отечественный язык был принят за основу литературного языка нашими соседями, сербами и хорватами’. Саркастически говорится и о названиях *хорватский* и *сербский*. А обозначение *сербохорватский* было для журнала ‘Bošnjak’ и вовсе бревном в глазу». (Miloš Okuka, *Eine Sprache – viele Erben: Sprachpolitik als Nationalisierungsinstrument in Ex-Jugoslawien* (Klagenfurt/Celovec: Wieser Verlag, 1998)).

Выражение «боснийский язык» встречается в этой книге только в названии (*Gramatika bosanskog jezika* 1890/1994). Грамматика лишена предисловия, и в ней нигде не говорится о том, что можно было бы понимать под обозначением *боснийский язык*. О моноцентризме Бенямина Каллая см.: Muhamed Šator, “Od Kallayevog monocentrizma do policentričnih jezičkih standard,” Branko Tošović i Arno Wonisch, ur., *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika. Die bosniakische Sichtweise der Unterschiede zwischen dem Bosnischen, Kroatischen und Serbischen* (Graz – Sarajevo: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, Institut za jezik, Zabarah, 2009).

Подробнее о языковом вопросе в австро-венгерской политике в отношении Боснии и Герцеговины до Первой мировой войны см.: Juzbašić Dževad Juzbašić, *Jezičko pitanje u austrougarskoj politici u Bosni i Hercegovini pred prvi svjetski rat* (Sarajevo: Svjetlost, 1973).

6 Dževad Jahić, Senahid Halilović and Ismail Palić, *Gramatika bosanskoga jezika* (Zenica: Dom štampe, 2000); Hanka Vajzović i Husein Zvrko, *Gramatika bosanskog jezika: I.–IV. razred gimnazije* (Sarajevo: Ministarstvo obrazovanja, nauke i culture, 1994); Ibrahim Čedić, *Osnovi gramatike bosanskog jezika. Priručnik za osnovne škole* (Sarajevo: Bosna leksika, 2004) i *Rječnik bosanskog jezika* (Sarajevo: Institut za jezik, 2007); Senahid Halilović, *Pravopis bosanskoga jezika* (PBJ) (Sarajevo: Preporod, 1996); Alija Isaković, *Rječnik karakteristične leksike u bosanskome jeziku*, (Sarajevo: Svjetlost, 1993).

7 OBS и языковой ситуации в Боснии и Герцеговине см.: Senahid Halilović, *Bosanski jezik* (Sarajevo: Biblioteka Ključanin, 1991) i “Das Bosnische,” Uwe

Что касается названий языков Боснии и Герцеговины, то, вероятно, была возможность найти единое и удовлетворяющее всех решение. Такой шанс предоставило бы различие *боснийского* и *бошняцкого языка* (*bosanski i bošnjački jezik*). Если бы бошняки выбрали термин *бошняцкий язык* (*bošnjački jezik*), то по крайней мере в некоторых областях коммуникации сохранялась бы возможность для обозначения языка, на котором говорят все жители Боснии и Герцеговины, использовать термин *боснийский язык* (*bosanski jezik*). Хотя бошняцкая сторона и утверждает, что BS открыт для всех народов Боснии и Герцеговины, его кодификация носит ярко выраженный мононациональный характер. До войны все три нации на территории бывшей Югославии использовали двойное название языка (*сербохорватский/хорватосербский* – *srpskohrvatski/hrvatskosrpski*), реже – одиночное (*сербский* – *srpski*, *хорватский* – *hrvatski*). Сербь и хорваты очень долго имели в названии языка название своей нации, тогда как у мусульман это было не так. После глубоких потрясений, национального возрождения и провозглашения нового названия народа (*бошняки* – *bošnjaci*) самый многочисленный народ Боснии отказывается от национального названия языка (*бошняцкий язык* – *bošnjački jezik*) и выбирает территориально маркированное название языка (*боснийский язык* – *bosanski jezik*), хотя оно оказывается территориально неполноценным потому, что в нем не упоминается Герцеговина. Указание на то, что во времена Австро-Венгрии су-

Hinrich, hrsg., *Handbuch der Südeuropa-Linguistik* (Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999); Amira Idrizbegović, *Bosanski jezik i bošnjaci: kulturnohistorijski okviri* (Sarajevo: Sejtarija, 2003); Dževad Jahić, *Jezik bosanskih Muslimana* (Sarajevo: Biblioteka Ključanin, 1991); Werner Lehfeldt, "Zur gegenwärtigen Situation des Bosnischen," *Wiener slavistisches Jahrbuch*, 45 (Wien: A. Sexl, 1999); Boris Neusius, "Die Sprachfrage in Bosnien und Herzegowina," *Südosteuropa*, 51: 4–6 (2002); S. D. Völkl, "Bosnisch," M. Okuka, hg., *Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens, Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*, 10 (Klagenfurt: Wieser, 2002); Branko Tošović, "Linguistik des Krieges – Krieg der Linguistik," Benedek Wolfgang, König Otto, Promitzer Christian, hrsg., *Menschenrechte in Bosnien und Herzegowina: Wissenschaft und Praxis* (Wien – Köln: Böhlau Verlag, 1998); Tošović i Wonisch, *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika*.

ществовал *боснийский язык* (*bosanski jezik*), не является аргументом для того, чтобы принимать решение о названии языка, так как под этим не подразумевался язык только одного народа. Если бы бошняки выбрали название *бошняцкий язык* (*bošnjački jezik*), а сербы и хорваты не отказывались от глоттонимов *сербский язык* (*srpski jezik*) и *хорватский язык* (*hrvatski jezik*), то было бы возможно в некоторых ситуациях использовать выражение *боснийский язык* (*bosanski jezik*), например, в научных целях и в тех бытовых ситуациях, когда нельзя обойтись без единого названия, свободного от межнациональных споров.⁸ К сожалению, в настоящее время усиливается фрустрация, вызванная различными глоттонимическими подходами. С одной стороны, бошнякам не нравится, что оспаривается их суверенное право называть язык так, как они хотят. С другой стороны, из того, что (1) бошняки настаивают на том, чтобы сербы и хорваты называли этот язык как они это делают, что (2) этим проводится скрытая (подспудная) синонимизация и идентификация: *боснийский язык* – это язык Боснии и Герцеговины, грозящие в конечном результате (3) нейтрализацией и даже исчезновением других двух языков Боснии и Герцеговины (HR и SR), у значительной части сербов и хорватов наблюдается стремление отталкиваться от понятия «боснийский», даже в ситуациях, вовсе не связанных с языковым вопросом.

Некоторые ученые утверждают, что *с е р б с к и й* я з ы к стал уже в VII–XII вв. отдельным славянским языком, тогда как другие считают, что о собственно сербском языке можно говорить только после завершения процессов, происходивших в рамках закона открытого слога (т. е. после X–XI вв.), в соответствии с которым каждый слог должен был оканчиваться на гласный. Литературным языком в это время был старославянский. Сербь получили письменность между 867 г. и 974 г. Вначале на равных правах использовались глаголица и кириллица. Их конкуренция продлилась долго, вплоть до XIV–XV вв. В конце концов кириллица стала сербским национальным алфавитом и в XII в. стала преобладать над глаго-

8 В Боснии и Герцеговине очень много смешанных браков: случается, что муж – хорват, жена – бошнячка, а крестный отец – серб или наоборот, и все при этом говорят на одном языке.

лицей в Рашкой, в Дубровнике, в Хуме и в Боснии. Начиная со 2-й половины X в. сербы использовали в качестве литературного языка церковнославянский язык (*crkvenoslovenski jezik*).

Сербский вариант называется *сербскославянским языком* (*srpsko-slovenski jezik*). Он был сербским литературным языком вплоть до 30-х годов XVIII в. В 1459 г. Сербия была завоевана турками и вплоть до 1804 г. оставалась под властью Османской империи. Иностранное господство вызвало значительные передвижения сербского народа. Переселенцы направлялись (1) из Сербии в области к северу от рек Сава и Дунай, (2) из Герцеговины в Западную Боснию и Хорватию, в результате чего расширились территории, на которых употреблялось (а) экавское произношение (т. н. *šumadijsko-vojvođanski dijalek/a/t*, диалект Шумадии и Воеводины) и (б) иекавское произношение (*hercegovački dijalek/a/t*, герцеговинский диалект). В эпоху османского владычества были заимствованы многочисленные турецкие слова, напр. *'sultān* 'султан', *ho dža* 'мулла', *kadija* 'судья', *zejtin* 'растительное масло', *majmun* 'обезьяна', *bakar* 'медь', *barjak* 'флаг', *kajsija* 'абрикос', *tavan* 'чердак', *dža bē/dža be* 'бесплатно' и т. д.⁹ В XVI и XVII вв. большая часть штокавских диалектов приняла свой сегодняшний облик. В восточных областях закрепилось экавское произношение, а в западных – иекавское. В XVIII в. 'сербославянский язык был вытеснен рускославянским (*ruskoslovenski jezik*), который представлял собой смесь сербского народного языка и церковнославянского.¹⁰ Таким образом, Сербия в XVIII в. оказалась в ситуации диглоссии (двуязычия): в употреблении был сербский живой язык и рускославянский. Поскольку рускославянский язык был понятен только узкому кругу образованных людей, сфера употребления живого сербского языка расширялась. Поэтому рускославянскому языку было уготовано исчезновение, пусть и за одним исключением: в сербской православной церкви он до сих пор (хотя и все меньше) используется

9 Здесь и далее все примеры слов приводятся только в латинской графике.

10 Это было следствием (1) влияния книг, которые приходили из России, потому что в Сербии было мало типографий, а также (2) деятельности русских учителей и русских школ в Воеводине (1726–1738).

как язык богослужения. Примерно с 1760 г. по 1850 г. сербское население Габсбургской монархии использовало особый язык, носивший название *славяносербский* (*slavenosrpski jezik*). Это также был смешанный язык, составленный из рускославянского с сербскими диалектными чертами и русскими элементами, взятыми из русского литературного языка. На этом языке печатались светские произведения. Но он был искусственным и отчасти непонятным. В XVIII в. в Сербии было три разных языка: церковнославянский, народный язык и славяносербский (смесь церковнославянского с народным языком). Эта тройственность была устранена реформой Вука Караджича (1787–1864). Своими работами *Писменица* (1814) и *Српски рјечник* (1818) он заложил основу нового литературного языка. В качестве базы для нормы Вук Караджич избрал народный язык, а именно восточногерцеговинский, новоштокавско-екавский диалект. Он провел реформу орфографии по принципу *«Пиши так, как говоришь! Говори так, как написано!»* (*«Piši kao što govoriš! Govori kao je napisano!»*). Основная орфографическая идея Вука гласила: «один звук = одна буква», «одна буква соответствует одному звуку» (*«jedan glas – jedno slovo»*). В рамках реформы 1868 г. он отменил церковнославянские буквы и ввел несколько новых символов: **j** (**j**), **љ** (лат. **lj**), **њ** (**nj**), **ђ** (**đ**), **џ** (**dž**). Сперва реформа Вука вызвала большое сопротивление, особенно в рядах сербских церковных деятелей, и закрепилась только во 2-й половине XIX в. В 1850 г. сербские и хорватские филологи Вук Караджич и Джуро Даничич (с сербской стороны) и Иван Кукулевич, Димитрие Деметер и Иван Мажуранич (с хорватской стороны), а также Фран Миклошич со словенской стороны подписали так называемое Венское литературное соглашение (*Bečki književni dogovor/ Бечки књижевни договор*). Они стремились к созданию единой литературной нормы и хотели сделать ее основой штокавский диалект с иекавским произношением. Но текст не содержит названия для этого единого языка, в нем употребляются только выражения *južno narečje* (южный диалект) или *naš zajednički jezik* (наш общий язык). Сербы обязались отказаться от славяносербского языка и пользоваться иекавским произношением штокавского диалекта, а хорваты согласились на существенно упрощенный штокавский язык. Перед Первой мировой войной

(в 1913 г.) Йован Скерлич предлагал хорватам отказаться от своего (иекавского) литературного языка и принять сербскую (экавскую) норму, а сербам – заменить кириллицу латиницей во всех сферах, кроме церковной.¹¹ Он был убежден, что рано или поздно «восточное произношение» станет общим сербскохорватским произношением и что спустя 30–50 лет латиница сделается единственным общепотребительным алфавитом.¹² В конституции Королевства сербов, хорватов и словенцев (Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca, SHS) 1921 г., а затем в конституции Югославии 1931 г. официальным языком государства объявлялся *sprskohrvatskoslovenački jezik* (сербскохорватскословенский язык). После Второй мировой войны, точнее 10 декабря 1954 г., в Нови-Саде известные лингвисты, писатели и филологи Сербии, Боснии и Герцеговины, Черногории и Хорватии подписали так называемое Новисадское соглашение. В этом документе официально объявлялось, что сербохорватский язык имеет несколько центров. Важнейшим итогом Новисадского совещания стало новое единое правописание. Шесть лет спустя (в 1960 г.) был издан свод орфографических правил и тем самым объявлено о существовании сербохорватского/хорватосербского языка. В основе Новисадского соглашения лежало утверждение о языковой однородности разговорных и развившихся на их базе литературных языков сербов, хорватов и черногорцев. Сербохорватский (экавский) и хорватосербский (иекавский) признавались в договоре равноправными вариантами.

Хорватский язык начал формироваться с IX в. на основе чакавского диалекта. В Средние века в Хорватии употреблялись три алфавита: глаголица, кириллица (ранее называвшаяся также босанчицей) и латиница. Глаголица использовалась в церковной сфере до начала XX в. С XIV в. резко увеличилась распространенность латинского алфавита, хотя и за одним исключением: на северном побережье глаголица удержалась в употреблении католического духовенства вплоть до XX в. Древнейшие документы были созданы

11 Jovan Skerlić, *Eseji o srpsko-hrvatskom pitanju* (Zagreb: Jugoslavensko nakladno dioničarsko društvo, 1918).

12 Ibid., s. 31–32.

на чакавском диалекте. Самым знаменитым памятником хорватского языка, написанным глаголицей, является «Башчанская плита» (Bašćanska ploča, 1100 г.).¹³ Ее текст повествует об основании капеллы хорватским королем Дмитаром Звонимиром. Первая книга на хорватском языке (написанный глаголицей миссал) была напечатана в Вене в 1483 г. К XVIII в. возникли два региональных варианта HR: один – на севере Хорватии (на кайкавской основе), а другой – в Боснии (на штокавской основе). Литературный язык вначале развивался на базе кайкавского диалекта (с XVII в. до 30-х годов XIX в. на севере Хорватии вокруг Загреба). В этот период появляется и первый словарь, принадлежащий перу Фауста Вранчица, *Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum – Latinae, Italicae, Germanicae, Dalmaticae et Ungaricae* (1595), и грамматика Бартола Кашича, *Institutionum linguae illyricae libri duo* (1604). Поворотным периодом для хорватов, как и для сербов, стал XIX в. Под руководством Людевита Гая (1809–1872) в 30-е и в 40-е гг. XIX в. возник так называемый иллиризм, объявивший штокавский диалект базой литературного языка.

Представители этого движения опубликовали в 1835 г. «Proglas» («Воззвание»), где они выступили за единый для всех южных славян язык. Людевит Гай заложил основы хорватской орфографии и провел реформу латиницы по чешскому образцу. Иллиризм предлагал всем южным славянам использовать единый литературный язык (на базе штокавского диалекта). Во второй половине XIX в. развивалась школа так называемых «хорватских вуковцев» (hrvatski vukovci), которые поддерживали орфографию, основанную на фONOлогическом принципе, и ориентацию на разговорные штокавские формы. Важнейшими представителями этого движения были грамматист Томислав (Томо) Маретич и лексикограф Иван Броз. Т. Маретич создал «Грамматику хорватского, или сербского языка» (*Gramatika hrvatskog ili srpskoga jezika*, 1889), а перу И. Брозу принадлежит «Хорватское правописание» (*Hrvatski pravopis*, 1893). В 1867 г. в Загребе была основана Югославская академия наук и искусств, которая в течение XIX–XX вв. издавала многотомный

13 Башка – населенный пункт на юге острова Крк.

«Словарь хорватского, или сербского языка» (*Rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*). Руководителем этого проекта был Джуро Даничич, сербский филолог, который занимал пост секретаря академии. Что же касается отношения хорватов к Новисадскому соглашению (1954), то они явно пытались несколько дистанцироваться от него – прежде всего в вопросе о единстве сербскохорватского языка. В 1967 г. появилась так называемая «Декларация о положении хорватского языка» (*Deklaracija o položaju hrvatskog jezika*), в которой отмечалось следующее: 1. В конституции должно быть четко и без колебаний закреплено равноправие четырех литературных языков: словенского, хорватского, сербского и македонского. 2. Должно гарантироваться использование HR в школе, в прессе, в общественно-политической жизни, на радио и на телевидении, когда дело касается хорватского населения, а служащие, преподаватели и чиновники обязаны вне зависимости от происхождения употреблять язык той среды, в которой протекает их деятельность.¹⁴ На эту декларацию группа сербских интеллектуалов ответила документом «Предложение к размышлению» (*Predlog za razmišljanje*). Существование хорватского языка было официально объявлено в 1991 г. Сегодняшняя хорватская языковая политика отличается ярко выраженным пуризмом, который имеет давнюю историю и рассматривается как одна из констант хорватского языка.¹⁵ В наши дни никакой другой славянский язык, насколько известно, не обладает настолько четкой ориентацией на пуризм. В хорватской языковой традиции живы пуристические элементы так называемого австрославянского типа, который раньше в особенности боролся с германизмами, ныне сменившимися ербизмами и англицизмами (американизмами).¹⁶ В 90-е годы XX в. произошло резкое оживление пуристических тенденций, и только за последнее десятилетие прошлого века было

14 *Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika* (Zagreb: Matrica hrvatska, 1997), s. 27–28.

15 Marko Samardžija, *Iz triju stoljeća hrvatskoga standardnog jezika* (Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2004), s. 197.

16 Dalibor Brozović, “Aktualna kolebanja hrvatske jezične norme u slavenskoj i europskoj svjetlu,” *Jezik* 45 (1998), s. 170.

издано двадцать справочников и так называемых словарей различий. В случае лексики пуристические тенденции особенно сильно затронули сербизмы и интернационализмы, а сред и последних – в первую очередь англицизмы/англоамериканизмы. В конце XX в. и в начале XXI в. имело место радикальное вмешательство в языковую норму и в ее проявления.

В 2007 г. в Черногории был официально провозглашен черногорский язык.¹⁷ До сих пор не существует официально признанной грамматики, хотя имеется индивидуальная попытка Войислава Никчевича, написавшего «Черногорскую грамматику».¹⁸ Зато были изданы два орфографических пособия, одно из которых является неофициальным – «Правописание черногорского языка» Воислава Никчевича, а другое официальным – «Правописание черногорского языка и словарь черногорского языка (орфографический словарь)».¹⁹ Пока отсутствуют словари CG.²⁰ В официальном своде правил (2009) введены в латиницу новые буквы *š, ž, z* и в кириллицу *с, з, s* для обозначения «особых» черногорских звуков *s', z', dz* (*s'ekira* ‘топор’, *z'enica* ‘зрачок’, *dzindzov* ‘бугай’). Указанные графемы отсутствуют в алфавите BS, HR и SR. Мнения черногорцев о названии их языка расходятся, что нашло свое проявление в итогах проведенной в 2003 г. переписи населения: 59,67% обозначили свой язык как сербский, а 21,53% – как черногорский. В последнее десятилетие активно обсуждался вопрос о том, представляют ли собой черногорцы отдельный народ или часть сербского народа. Жители Черногории придерживаются различных точек зрения: некоторые из них считают себя сербами, а другие – черногорцами, что отражается

17 См. конституцию Черногории от 19 октября 2007 г.

18 Vojislav Nikčević, *Crnogorska gramatika* (Podgorica: Dukljanska akademija nauka i umjetnosti, 2001).

19 Vojislav Nikčević, *Pravopis crnogorskog jezika* (Cetinje: Crnogorski Pen Centar 1997); “Pravopis crnogorskoga jezika i rječnik crnogorskoga jezika /pravopisni rječnik /,” *Službeni List Crne Gore* 9 jul. 2009.

20 Шаг в этом направлении предпринял Таки Латкович, см.: Taqi Latković, *Priložak gradi crnogorskoga rječnika: stara Crna Gora* (Cetinje: Izdanje autora, 2004).

в результатах переписи 2003 г.: из 651 000 жителей этой республики 267 669 человек (41,16%) назвали себя черногорцами, а 198 414 человек (30,63%) – сербами.

Так как BS, HR и SR являются очень близкими языками, различия между их литературными нормами на всех уровнях (фонетико-фонологическом, просодическом, орфографическом, лексическом, грамматическом) являются незначительными и нерелевантными для коммуникации (взаимное понимание в бытовом общении является /почти/ стопроцентным), о чем пишет и ряд бошняцких авторов.²¹

На фонетико-фонологическом уровне рефлекс ятя (**е, је, ије, и**) является одной из основных проблем BS, HR и SR в их взаимоотношениях. В новоштокавских диалектах, ставших основой для бошняцкого, сербского и хорватского стандартов, различают три рефлекса ятя – **е**, напр. *lěto* ('лето', экавица), **је** (в слове с долгим ятем – **ије**, ср. *brěg – brjēg* 'берег – холм'), напр. *ljěto* ('лето', иекавица) и **и**, напр. *lito* ('лето', икавица). Ять был церковнославянским звуком, названным так по имени кириллической буквы ѣ (в транскрипции ě). Из древнего дифтонга к XII веку в восточноштокавской и западночкавской зонах образуется гласный **е**. Впоследствии, в течение XII века, ять получает в восточночкавских и западноштокавских диалектах звучание **и**. В центральной части штокавских диалектов выступают два рефлекса: **ије** (долгого ятя – *dijete* 'Kind', *brijeg* 'холм', *vrijeme* 'время') и **је** (краткого ятя – *vj ra* 'вера'). Помимо этих форм, развился еще один рефлекс ятя, а именно **и**, напр. *dite* 'ребенок', *vira* 'вера'.

На основе рефлексов ятя в BS, HR и SR различаются три произношения – экавское (*ekavština*), иекавское (*ijekavština*) и икавское (*ikavština*). Первые два положены в основу всех трех литературных

21 Напр., Алиа Исакович констатирует, что между этими языками нет существенного различия и речь идет лишь о праве каждого народа использовать то название, которое является традиционным (Alija Isaković, "Intervju WDR-Köln," 29 okt. 1994, Branko Tošović i Arno Wonisch, ur, *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika*, s. 17). «Понятно, что структура та же самая и ясно, что хотя бы пока нам не нужны переводчики [...]» (Ibid.).

языков (BS, HR и SR), в то время как последнее (икавское) является лишь диалектным и существует на территории BS и HR (частично SR). Бошняцким и хорватским произношениями является только иекавское, сербским – экавское и иекавское. В большей части Сербии преобладает экавица. В Боснии и Герцеговине, Хорватии, Черногории и части Сербии (Санджак и окрестности города Ужице, около 200 000 говорящих) говорят на иекавице. Таким образом, ошибочным является утверждение, что сербский язык знает только экавское произношение. Стоит упомянуть, что экавцы-штокавцы есть и среди хорватов.²² Это касается, к примеру, диалекта города Дони-Михоляц («*donjomiholjevački govor*»), который, как и некоторые другие славонские идиомы к юго-западу от Винковцев, является экавским. В восточной Славонии и Среме, таким образом, можно услышать такие слова, как *mlěko* 'молоко', *lěp* 'красивый', *sěno* 'сено' или *věra* 'вера'.²³ Экавицу можно встретить и в Боснии, т. е. на территории BS – к примеру, у (преимущественно молодого) мусульманского населения города Кладань: *sěno* 'сено', *mlěko* 'молоко', *cědi* 'цедит', *onesvěsti se* 'потерять сознание', *bělo* 'белое', *vrěme* 'время', *děte* 'ребенок', *lěk* 'лекарство', *zvězda* 'звезда' и т. д.²⁴ Это явление выступает в случае долгого ятя.²⁵ Икавица распростра-

22 Stjepko Težak, "Hrvatski štokavski ekavci," *Hrvatski naš osebujni* (Zagreb: Školske novine, 2002), s. 40–43.

23 «В Славонии есть значительная область, в которой хорватское население говорит на штокавских диалектах. Большая часть этой области лежит в северной Славонии. [...] Чуть меньший ареал находится в юго-восточной Славонии, это примерно десять деревень к западу и юго-западу от Винковцев» (Pavle Ivić, *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika: Uvod i štokavsko narečje* (Novi Sad: Budućnost, 2001), s. 125).

24 Slobodan Remetić, "O još jednom nezapaženom ekavsko-jekavskom bosanskom govoru," *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*, 11/2 (Beograd: MSC, 1982), s. 183.

25 Луке Вуйовичу принадлежит исследование на тему того, встречается ли экавица также в юго-восточной Черногории, на что автор отвечает категорическим «нет», см.: Luka Vujović, "Je li postojao ekavski govor u jugoistočnoj Crnoj Gori i sjevernoj Albaniji," *Južnoslovenski filolog*, XXVI (Beograd: SANU, 1983), s. 516.

нена в Далмации, южной Истрии, западной Герцеговине и в части западной Боснии и южной Славонии. Представляет интерес также тот факт, что в западной Сербии (Подриње) все еще есть остатки икавицы: *mliko* 'молоко', *dica* 'дети', *mīsto* 'место', *lip* 'красивый', *mīsec* 'месяц', *brīg* 'холм', *vrića* 'мешок', *dīvōjka* 'девушка'.²⁶ Икавица не была перенесена из Далмации, а является остатком прежних икавских диалектов.^{27, 28}

Если исходить из конкретных фактов, то на основании рефлекс-а ятя нельзя провести разграничение между стандартами BS, HR и SR. Однако очень даже возможно провести различие между экавской Сербией и икавскими Боснией и Герцеговиной, Черногорией и Хорватией. Икавские HR и BS отличаются на этом уровне от (преимущественно) экавского SR в Сербии, но не от икавского SR в Боснии и Герцеговине, Черногории и Хорватии. Из четырех языков три являются икавскими (BS, HR и CG), и всего один (SR) проявляет как экавский, так и икавский рефлекс, при этом оба варианта произношения считаются в SR стандартными.

26 Miloš Moskovljević, "Ikavski govor u Srbiji," *Južnoslovenski filolog*, XXVI (Beograd: SANU, 1983).

27 Ibid., s. 503.

28 В некоторых диалектах находим еще одну особенность, а именно – рефлекс ятя в а: *gnaždo* 'гнездо', *padra* 'грудь, сердце' (северная Истрия и остров Пар): Mięczyław Małeckı, "Još o razvoju e > a u srpsko-hrvatskom jeziku," *Južnoslovenski filolog*, XI (Beograd: SANU, 1931), s. 217–218. Существуют также диалекты без замещения ятя, т. е. такие, где ять остался неизменным. Павле Ивич первым назвал этот ять «nezamenjeno jat» и различает четыре зоны, в которых ять сохранился как фонема («monofonška fonema» 'монофтонгическая фонема') и произносится как нечто среднее между е и і (*beio* 'белый', *zvezda* 'звезда'): 1. деревня Рекаш в румынском Банате (к востоку от Тимишоары) с католическим населением, 2. различные деревни в «Банатском черногорье» («Banatska Crna Gora») в румынском Банате (к северо-востоку от Рекаша) с сербским православным населением, 3. Крашова в румынском Банате (к северо-востоку от Вршаца) с католическим населением, 4. Галлиполи (ныне Чанаккале) в Турции, где на протяжении нескольких столетий жила группа сербского населения, после Первой мировой войны переселившаяся в город Пехчево в восточной Македонии (Ivić, *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika: Uvod i štokavsko narečje*, s. 278).

Вопрос о конкретных нормативных решениях в BS, HR и SR – прежде всего в отношении префикса **pre-** – оказывается особенно сложным и запутанным. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры из одного правописания BS, двух правописаний HR и одного правописания SR.²⁹ Ср.: *prégib* 'сгиб, перегиб' (экавица и икавица) (PSJ s. 276) – *prégib* и *prijégib* (HP), *prégib* (PBJ s. 438); *préglas* 'перегласовка' (экав.) – *préglas* (икав.) (PSJ s. 276) – *prijéglas* (PHJ s. 674; HP s. 368) – *prijéglas* (PBJ s. 450); *prégled* 'обзор' (экавица и икавица; маловероятно *prijégled*) (PSJ s. 279) – только *prégled* (PHJ); *prégled* и *prijégled* (HP) – *prégled/prijégled* (PBJ s. 438); *prékid* 'перерыв, разрыв' (экавица и икавица) (PSJ s. 279) – *prékid* и *prijékid* (HP), *prékid/prijékid* (PBJ s. 439); *prélet* 'перелет' (экавица и икавица) (PSJ s. 279) – *prélet* (PHJ; HP) – *prélet/prijélet* (PBJ s. 440); *prémaz* 'намазывание' (HP), *prémaz/prijémaz* (PBJ s. 441); *prépad* 'перепад' (экавица) (PSJ s. 279) – *prépad* (HP); *prépis* 'копия' (экав.), икав. *prépıs* (*prijépıs*) (PSJ s. 279) – *prijépıs* (PHJ s. 675; HP s. 368) – *prijépıs* (PBJ s. 175); *prépjev* (нет в PSJ) – *prépjev* 'поэтический перевод' (PHJ; HP) – *prépjev/prijépjev* (PBJ s. 442); *prépjet* (экав.), икав. *prépjet* (*prijépjet*) 'переплетение' в общем значении, *prijépjet* (на *ôpânku* – оплетка на лапте) (PSJ s. 279) *prépjet* – только *prépjet* (PHJ), *prépjet* и *prijépjet* (HP) – *prépjet/prijépjet* (PBJ s. 443); *prérez* 'перерез' (экавица и икавица, маловероятно *prijérez*) (PSJ s. 279) – только *prérez* (PHJ), *prérez* и *prijérez* (HP) – *prérez/prijérez* (PBJ s. 440); *préskok/prèskok* 'прыжок через что-л'. (экав.), икав. *préskok/prèskok* (*prijèskok*) (PSJ s. 279) – только *préskok/ prèskok* (PHJ), *préskok* и *prijèskok* (HP) – *préskok/ prijèskok* (PBJ s. 444).³⁰

В сербском икавском стандарте представлены в равной степени как префикс **pre-**, так и **prije-**, но первая из названных форм

29 Halilović, PBJ; Stjepan Babić, Božidar Finka i Milan Moguš, *Hrvatski pravopis* (HP) (Zagreb: Školska knjiga, 2000); Vladimir Anić i Josip Silić, *Pravopis hrvatskoga jezika* (PHJ) (Zagreb: Novi Liber, Školska knjiga, 2001); Jovan Jerković, Mitar Pešikan i Mato Pižurica, *Pravopis srpskoga jezika* (PSJ) (Novi Sad – Beograd: Matica srpska – Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 1995).

30 Акцентные дублеты добавлены автором.

считается главной. При помощи префикса **prije-** в иекавице возникли некоторые уникальные лексемы, к примеру, когда исходный глагол терялся или у существительного возникало особое значение, напр. *prijèklad* ‘каминная подставка’, *prijèvoj/prijèvoj* ‘аблаут’, *prijèsjek* ‘разрез’) или также *prijèmet*, ‘сорт вина’.³¹ В HR Боснии и Герцеговины в течение последнего столетия **pre-** было в большинстве случаев заменено на **prije-** (*mòstarskī Autoprévoznik* ‘автотранспортное предприятие Мостара’ превратился таким образом в *Autoprijèvoznik*), при этом имели место также такие изменения, как, к примеру, *prijèvod* ‘перевод’ (вместо *prèvod*). Ситуация в BS остается неясной. Можно, однако же, заметить, что словесные образования с приставками **pre-** и **pred-** на наших глазах претерпевают колебания в нормативном отношении. Согласно правилам правописания BS, приведенные далее формы отвечают стандарту: *prijèklop* ‘клапан’, *prijènos* ‘перенос’, *prijèlom* ‘перелом’, *prijèsad* ‘саженец’, *prijètop* ‘переплавка’, *prijètvor* ‘притворство’, *prijèvjes* ‘накидка’, *prijèvod* ‘перевод’, *prijèvoj* ‘аблаут; седловина горы’, *prijèvoz* ‘перевоз’ (*prèkop* ‘канавы’, *prèlom* и *prèvoz* не называются). Помимо этого, в некоторых случаях отмечены дублеты: *prijèčnik/prèčnik* ‘поперечник’, *prijègled/prègled* ‘обзор’, *prijèkid/prèkid* ‘перерыв’, *prijèklop/prèklop* ‘клапан’, *prijèlaz/prèlaz* ‘переход’, *prijèlaznica/prèlaznica* ‘переправа’, *prijèsjek/prèsjek* ‘отдел, отсек’, *prijèlet/prèlet* ‘перелет’, *prijèmaz/prèmaz* ‘намазывание’, *prijèplet/prèplet* ‘переплетение’, *prijèrez/prèrez* ‘разрез’, *prijèskok/prèskok/prèskok* ‘прыжок через что-л.’, *prijèvara/prèvara* ‘обман’, *prijèzir/prèzir* ‘презрение’ и пр.³² Часто утверждают, что по хорватскому стандарту (на который ориентируются также хорваты Боснии и Герцеговины) уже давно употребляются иекавские варианты, однако присутствие некоторых форм с префиксом **pre-** не исключается категорически: «В Боснии и Герцеговине журналисты строжайшим образом следуют таким нормам (*prijèvoz* и *prijèvod*). Пусть даже подкрепленная лингвиста-

31 PSJ s. 6.

32 Naila Valjevac, “Standardna novoštokavština i jezička situacija u Bosni i Hercegovini,” Ibrahim Čedić, ur., *Standardna novoštokavština i bosansko-hercegovačka jezička situacija* (Sarajevo: Radovi Instituta za jezik, 2005), s. 71.

ми, такая инновация [распространение префикса **prije-**, Б. Т.] ввиду уже упомянутой ‘хорватизации’ не без основания воспринимается в BS с негативной психолингвистической коннотацией. Ввиду распространенности множества экавских форм в обиходном языке и неофициальном языке независимых СМИ этот про-хорватский поворот не получил в бошнячской норме всеобщей поддержки.³³

В отношении глаголов *tèci* ‘течь’ и *tàci/tàci* ‘трогать’ в бошнячской и хорватской норме можно найти следующие формы: а) *tèci*: *dòtjecati* ‘притекать’ – *dòtjecānje* ‘приток’, *istjecati* ‘вытекать’ – *istjecānje* ‘вытекание’, *nàtjecati (se)* ‘соревноваться’ – *nàtjecānje* ‘соревнование’, *pòtjecati* ‘происходить’ – *pòtjecānje* ‘побуждение’, *prijècati* ‘притекать’, *pròtjecati* ‘протекать’, *stjècati* ‘добиваться’, *ùtjecati* ‘влиять’, *zàtjecati* ‘заставать, захватывать’; б) *tàci/tàci*³⁴: *dòticati* ‘дотрагиваться, касаться’ – *dòticānje*, *isticati* ‘выделять’ – *isticānje* ‘выделение’, *nàticati* ‘надевать’ – *nàticānje* ‘надевание’, *pòticati* ‘побуждать’ – *pòticānje* ‘побуждение’, *prìticati* ‘притекать’, *pròticati* ‘протекать’, *stìcati* ‘добиваться’, *ùticati* ‘влиять’, *zàticati* ‘заставать, захватывать’.³⁵ В SR, в отличие от BS и HR, оба значения имеет один глагол: *isticati*, *dòticati*, *nàticati*, *pòticati*, *prìticati*, *stìcati*, *ùticati*, *zàticati*. Эта особенность представляет собой различительный признак между SR, с одной стороны, и BS и HR – с другой, так как в сербском допустимы лишь формы с *i*: *dòticati*, *isticati* и т. д.³⁶ В BS и HR, таким образом, различаются *ùticāj* ‘влияние’ (от глагола *ùticati* ‘влиять’) и *ùtjecāj* ‘влияние’ (от глагола *ùtjecati* ‘влиять’), в то время как в SR используется исключительно *ùticati*. В связи с этим примером в BS в настоящее время наблюдаются несогласия между предписанной и в действительности реализуемой нормой. «В повседневном употреблении носители боснийского языка оба этих слова, невзирая на их явное нормативное и семантическое разграничение, используют только в одной форме для обоих значений (*òdrèđeni ùtjecaji* ‘определенные влияния’), вне зависимости от того,

33 Ibid., s. 73.

34 Акцентные дублеты добавлены автором.

35 PHJ; HR.

36 PSJ s. 67.

от какого глагола слово произведено. Ранее предпочитавшееся в разговорной практике *uticaj*, невзирая на нормативные ограничения (образованная от глагола *téci/teći* [акцентные дублеты, Б. Т.] форма выглядит как *utjecaj*), все еще часто употребляется в боснийско-герцеговинских СМИ и в первую очередь в повседневной разговорной практике. У носителей боснийского, живущих возле хорватской границы и в социокультурном окружении, носящем на себе отпечаток хорватского, доминирует форма *utjecaj*. Именно эта форма считается босняками формой письменного языка. В разговорном языке остальных босняков – прежде всего тех, которые часто общаются с носителями сербского – форма *uticaj* имеет большую частотность. Смешанное использование обеих лексем в боснийско-герцеговинских радио- и телепередачах, учитывая многочисленных говорящих, представляется, таким образом, логическим, предсказуемым и допустимым. Бывает также, что один и тот же человек использует обе формы. В связи с этим явлением о подобной ситуации можно заявлять также и для носителей хорватского в Боснии и Герцеговине, несмотря даже на влияние хорватской нормы, в которой предпочтение отдается форме *utjecaj*. Употребление обеих форм чаще встречается у хорватов, живущих в боснийском или сербском окружении. Самодистанцирование всех стандартных языков в Боснии и Герцеговине друг от друга было мотивировано различными факторами, влияние которых, независимо от мотивации, все прочувствовали практически в равной мере. Предписанные нормы, требующие отказа от привычной ранее разговорной практики, внедряются с большим трудом. Дело дошло до языковой инертности, оказавшейся важным консолидирующим фактором. Разрыв между официальным и фактически реализуемым стандартом имеет смысл, если на то есть лингвистические причины, если носители языка говорят на разных и в то же время плохо понятных диалектах (как, к примеру, на кайкавском, чакавском и штокавском в Хорватии или ново- и староштокавском в Сербии). Подобных причин никогда не было в Боснии и Герцеговине и прежде всего внутри боснийского языка». ³⁷

37 Valjevac, “Standardna novoštokavština,” s. 73.

Экавской отрицательной форме вспомогательного глагола *nísam* ‘я не есть’ соответствуют в сербской иекавице формы *nísam* и *nijèsam* (последняя типична для восточной Герцеговины и Черногории). В PSJ упоминаются соотношения между *nísam* (в екавице и иекавице) и *nijèsam* (в иекавице), но объяснение, что представляют из себя эти соотношения, тем не менее отсутствует. В хорватском стандарте обычная форма звучит как *nísam*, при этом во второстепенном порядке ссылаются и на *nijèsam*.³⁸ Бошняцкий стандарт предписывает *nísam*, однако указывает на стилистическую экспрессивность формы *nijèsam*.^{39, 40}

Различные иекавские стандарты содержат итеративы, произведенные от глагола *liti* ‘лить’. Сербский стандарт приводит *nalijèvati/ nalivati* ‘наливать’ (PSJ s. 67), хорватский же – только *nalijèvati* (PHJ; HP), но помимо этого – деепричастие *nalijèvajući*. В бошняцком стандарте допустимы обе формы, при этом *nalijèvati* названа главенствующей (PBJ). Экавские глаголы типа *bdèti* ‘бдеть’, *vrèti* ‘кипеть’, *zrèti* ‘зреть’ звучат в HR как *bdjèti*, *vrèti*, *zrèti* (HP), что верно также для BS с *bdjèti*, *vrèti*, *zrèti* (PBJ). При этом есть и дублеты: *vrèo/vrìo* ‘горячий’, *zrèo/zrìo* ‘спелый’ (PSJ, PBJ), *vrèo/vrìo*, *zrèo* (HP). Для экавского *ògrev* ‘топливо, отопление’ в сербском иекавском стандарте указано *ògrijev* (*ògrev*) (PSJ s. 258), в хорватском

38 HP s. 305.

39 PBJ s. 363.

40 «Использование отрицательной формы *nijesam* характерно для восточногерцеговинских диалектов (Ресо 1964: 9), к примеру, в окрестностях города Любушки встречаемость выражений *nisam*, *nisi* ‘я не есть, ты не есть’ пренебрежительно мала (Čedić 1989: 35). Башагич использовал *nijesam*, *nijesi*, в то время как *nisam*, *nisu* отмечены всего несколько раз в стихах (Nakaš 2003: 27). Возле Памучины *nijesam* и *nisam* равноправны (Čedić 1984:133), в то время как Дучич отмечает только *nijesam* (Okuka 2003:164). Формы *nijesam*, *nijesi* использовал также Грго Мартич, хотя количество форм с *i* у него перевешивает (Čedić, 2003:242). Юкич последовательно использует огласовку с *i* (Kuna 1983: 46), что относится также и к Кочичу, который в этом отстает от своего родного идиома (Šipka 1987: 112)» (Čedić, *Standardna novoštokavština i bosanskohercegovačka jezička situacija*, s. 121).

ògrìjev (PHJ s. 500; HP s. 315), в бошняцком *ògrjev*, но допускается также и *ògrev*: *ògrev* v. *ògrjev* (PBJ s. 377). Дуализм прилагательных типа *cìjel* и *cìo* ‘целый’ нормируется по-разному: в SR *cìo* (*cijel*) (PSJ s. 69), в HR *cìjel* и *cìo* (HP s. 179), при этом определенные формы формы *cìjel* – *cijeli*; *cìo* (Fem. *cijèla/cijèla*)⁴¹ и *cìjeli* (PHJ s. 260–261); *cìjel/cìo* находим и в BS (PBJ s. 182). В случае экавских *pròdrèvši* ‘дееприч. прош. вр. от *pròdrèti* (прорваться)’, *ùmrèvši* ‘дееприч. прош. вр. от *ùmrèti* (умереть)’ в хорватской норме разрешаются дублиеты *pròdrv(ši)*, *ùmrèv(ši)* (HP), при этом на первом месте стоят *pròdrv(ši)* и *ùmrìv(ši)*. В бошняцком стандарте тоже допущены дублиеты, однако в ином облике: *pròdrijevši/pròdrvši*, *ùmrijevši/ùmrvši* (вторая форма в каждой паре охарактеризована как форма народного языка). Экавская лексема *náslēde* ‘наследие’ имеет в качестве эквивалента в хорватском стандарте *náslijede* (PHJ 499), *násljēde* и *náslijede* (HP s. 296), в бошняцком *náslijede* (PBJ s. 350), в то время как в сербском иекавском – *násljēde* (PSJ s. 250). Экавизму *ùsled* ‘вследствие’ соответствуют в иекавском стандарте *ùslijed* и *ùsljed* (PSJ), в хорватском *ùslijed* (PHJ; HP) и *ùsljed/ùslijed* в бошняцком (PBJ). В сербской иекавице встречаем дублет *mìrzjetil/ mìrziti* ‘ненавидеть’ (PSJ s. 245), в хорватском только *mìrziti* (HP s. 288), в то время как в бошняцком стандарте представлены в равной мере оба (PBJ s. 337). Касательно экавского активного причастия *sèo* ‘сел’ от *sèsti* в сербской иекавице фиксируются две формы – *sìo* и *sjèo*. То же верно и для хорватского стандарта – *sjèo/sìo* (PHJ s. 766), *sjèo* (*sìo*) (HP s. 406), тогда как бошняцкий указывает только на *sjèo* (PBJ s. 505). Во всех трех стандартах представлена иекавская форма для *blēsak* – *blījesak* ‘молния’, но кроме этого, можно встретить и *bljēsak*.

В бошняцкой, сербской и хорватской иекавице существует несколько экавизмов, т. е. слов, в которых из ятя возникло е, как в лексемах *mezímac*, *mezímče*, *mezímica* ‘любимец, любимчик, любимица’ (PSJ s. 240). Сербский иекавский стандарт предусматривает также и *mjezímac*. Согласно хорватскому стандарту, допустимые формы звучат как *mèzimčād* (мн. ч. от *mezímče*), *mezímac*, *mezímče* (PHJ s. 465; PH s. 282), *mezímčev* (‘принадлежащий любимчику’) (PHJ s. 465).

41 Акцентный дублет добавлен автором.

В бошняцком стандарте приводятся дублиеты: *mezímac/mjezímac*, *mèzimčād/mjèzimčād*, *mezímica/mjezimica*, *mezímicin/mjezimicin* ‘принадлежащий любимице’ (PBJ s. 329). Существуют многочисленные случаи экавизмов в некоторых грамматических формах, как, например, е при сокращении слога: им. п. ед. ч. *vrijème* ‘время’ – *vremèna* (им. п. мн. ч.), *vreménā* (р. п. мн. ч.) – *vrèmenskī* ‘временный’, *brījeg* ‘холм’ (им. п. ед. ч.) – *brègovī* (им. п. мн. ч.), *brègōvā/ bregōvā* (р. п. мн. ч.) – *bregōvit* ‘холмистый’, *srijeda* ‘среда’ – *sredina* ‘середина’, *griješiti* ‘ошибаться’ – *greška* ‘ошибка’, *vrednījī* (сравн. степень от *vrijedan* ‘прилежный, усердный’), *gore* ‘вверх’, *mrèža* ‘сеть’, *prelaziti* ‘переходить’, *preskočiti* ‘перепрыгнуть’, *prepisati* ‘переписать’, *rèzati* ‘резать’, *srèdnjī* ‘средний’, и *vreda* ‘оскорбление, обида’. Иногда краткий ять развивается в гласный е после сонорного r: *srèća* ‘счастье’, *vrèća* ‘мешок’, *brèža* ‘береза’. Экавица выступает также в таких примерах, как *nèšto* ‘что-то’, *nèk ad* ‘когда-то’, *Sloveni/Slaveni* ‘славяне’, *obećavati* ‘обещать’.⁴²

К более частым экавизмам в сербской иекавице принадлежат *nèdelja* ‘воскресенье, неделя’ (*nèdèljnī* ‘недельный, воскресный’, *ponèdeljak* ‘понедельник’), *dèjstvo* ‘действие’ и *dòle* ‘внизу’, которые также «[...] особенно часто представлены в боснийско-герцеговинском языке. Несмотря на то, что такая огласовка является фонологически корректной на основании диссимиляции согласных, эти формы не нашли вхождения в нормативный боснийский язык».⁴³ В сербском иекавском стандарте разрешаются следующие дублиеты: *dèjstovati/djèjstovati* ‘действовать’, *dèjstvo/ djèjstvo*, *dèlovati/ djèlovati* ‘воздействовать’, *dèlovānje/djèlovānje* ‘воздействие’, *òtmen/ òtmjen* ‘изысканный, отменный’, *nèmūštī/njèmūštī* ‘немой’, *mezímac/ mjezímac*, *mezímica/mjezimica* (PSJ s. 70–71). Наряду с *istòvetan* ‘тождественный’ предусмотрено также *istòvjetan*, поскольку, несмотря на то, что о рефлексе ятя здесь речи не идет, в иекавицу это слово

42 Подавляющему большинству экавизмов присуща автохтонность, т. е. они представляют собой результат фонетического развития, а не заимствования из экавицы (Branislav Ostojić i Dragomir Vujičić, *Rečnik (i)jekavizama srpskog jezika* (Podgorica: CID, 2000), s. 45).

43 Valjevac, “Standardna novoštokavšina i jezička situacija,” s. 72.

попало с последовательностью -vje-. Этот пример принадлежит к так называемым гипериекавизмам (рефлексам ятя на месте, где ятя не было), как и *sjèn a* 'тень' и *sjenica* 'синица; беседка' (не от *sena*, а от прилагательного *sinь*), *djètao/djètao* 'дятел' (не от *detelь*, а от *detelь*), *ljèš* и *lešina* 'труп' (от тур. *les* 'труп'), *òtmjen* 'отменный' и *òtmjeno st* 'изысканность' (русизм), *Stjèpān* 'мужское имя'.⁴⁴

В сербской иекавице представлено только *grèška* 'ошибка' (PSJ s. 194), в хорватской *grèška* (PHJ s. 349) и *grjèška* > *pògrjèška*, *grjèšnica* 'грешница', *grjèšničin* 'принадлежащий грешнице', *grjèšnički* 'греховный', *grjèšnik* 'грешник', *grjèšnikov* 'принадлежащий грешнику', *grjèšnòst* 'греховность' (PH s. 233), а в бошняцкой отмечаются *grèšan/grjèšan* 'грешный', *grèščica/grjèščica* 'ошибочка, грешок', *grèška/grjèška*, *grèšnica/grjèšnica*, *grèšnicin/grjèšnicin*, *grèšnički/grjèšnički* 'греховный', *grèšno/grijèšno* 'греховно', *grèšnòst/grjèšnòst* 'греховно' (PBJ s. 243).

К иекавским экавизмам причисляют также слова *bèdāk* 'дурак' (PBJ s. 168), *bedastòca* 'глупость' (PH s. 163), *brèža* 'береза', *brègovi* 'холмы', *bregòvit* 'холмистый', *cèriti se* 'скалиться', *gòre* 'вверх', *grèšan/grjèšan* 'грешный', *grèščica/grjèščica* 'ошибочка, грешок', *grèška/grjèška* 'ошибка', *grèškōm/grjèškōm* 'по ошибке', *grèšnica/grjèšnica* 'грешница', *grèšnicin/grjèšnicin/grjèšničin* 'принадлежащий грешнице', *grèšnički/grjèšnički* 'греховный', *grèšnik/grjèšnik* 'грешник', *grèšno/grjèšno* 'греховно', *grèšnòst/grjèšnòst* 'греховность'.

В принадлежащей всем трем языкам иекавице встречаются ставшие стандартом икавизмы, такие как *bïo (bïjel)* 'белый', *bìonjača/bìonjača* 'роговица', *blijèdio* 'бледнел', *bòlio* 'болел', *cïo* 'целый', *dïo* 'часть', *diòba* 'дележ', *dòcniti* 'опаздывать', *grìjati* 'греть', *lètio* 'летел', *mìlijì* 'более милый', *mízio* 'ненавидел', *mùdriji* 'более мудрый', *nòviji* 'более новый', *obòlio* 'заболел', *odòlio* 'одолел', *prèdio* 'местность, ландшафт', *rázdio* 'отдел, раздел', *sìjati* 'сеять; сиять', *sjèdio* 'сидел', *smijati se* 'смеяться', *stàriji* 'более старый', *trèsijāh* 'я тряся (импф.)', *vìdio* 'видел', *vòlio* 'любил', *vrtio* 'вертел', *závidio* 'завидовал', *zvizdan* 'звездный', *živio* 'жил'.⁴⁵ Во всех стандартах

используется *svijètao* 'светлый' (PSJ s. 292, PHJ s. 803, PH s. 426, PSJ s. 534).

Своеобразием BS является звук **х** (графически **h/ x**).⁴⁶ В BS

46 Употребление согласных **х** и **ф** в диалектах имеет две характерные черты: 1) оба этих согласных характеризуются тенденцией к исчезновению; 2) диалекты, сохраняющие **х**, не утратили также и **ф** (Josip Lisac, *Hrvatska dijalektologija 1: Hrvatski dijalekti i govori štokavskog narječja i hrvatski govori torlačkog narječja* (Zagreb: Golden marketing – Tehnička knjiga, 2003), s. 53). Этот согласный сохраняется в восточногерцеговинских говорах, а отчасти также в говорах Зеты и Южного Санджака, в косовско-ресавских говорах, в говорах Которского залива, в Сумартине на острове Брач, у буневцев и в некоторых частях Славонии. В других диалектах **х** утратился полностью, напр., в экавских говорах Славонии, в косовско-ресавских говорах, где звук **х** «почти всюду совершенно неупотребителен» (Pavle Ivić, *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika: Uvod i štokavsko narječje* (Novi Sad: Budućnost, 2001), s. 136) или частично (в говорах Воеводины, Шумадии, в некоторых районах Славонии, в западных икавских говорах, в призренско-тимокских диалектах и в Западной Герцеговине), или же заменился другими согласными. В восточнбоснийских шчакавских говорах происходит дифференциация на этническом основании: бошняки относительно хорошо сохраняют фонему **х**, хорваты делают это заметно реже, а сербы – еще реже (Lisac, *Hrvatska dijalektologija 1*, s. 80). В новых икавских говорах фонема **х** употребляется преимущественно мусульманами, тогда как хорваты ее обычно утрачивают (Ivić, *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika*, s. 237). Мусульмане, говорящие на иекавско-шчакавских, икавских, иекавско-герцеговинских, икавско-штокавских и центральнобоснийских диалектах, полностью сохраняют фонему **х** (Asim Peco, *Pregled srpskohrvatskih dijalekata* (Beograd: Naučna knjiga, 1980), s. 71, 97, 101, 103, 115). Как правило, она сохраняется и в говорах Зеты и Южного Санджака (Ibid., s. 70). В восточногерцеговинских говорах **х** отчасти сохраняется (Ivić, *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika*, s. 185). «Согласный **х** исчез в большинстве [восточногерцеговинских, Б. Т.] диалектов, в частности в Дубровнике, у большинства мусульман и – в значительно меньшей степени – у хорватов в Боснии и Герцеговине. **Х** часто произносится как гуттуральный спира́нт и иногда даже является звонким. В боснийских и герцеговинских говорах **х** обычно утрачивается в окончаниях и в конце слова [...] Сербское население сохраняет **х** только в редких случаях (напр., в Мостаре). Иногда в некоторых диалектах на месте **х** выступает **к** или **г**; особенно часто это происходит в конце слова и в оконча-

44 Valentin Putanec, "Neki noviji hiperjekavizmi," *Jezik* 10 (1962), s. 75.

45 Акцентный дублет добавлен автором.

используются слова типа *promaha* ‘сквозняк’, *lahak* ‘легкий’, *mehak* ‘мягкий’, *aždaha* ‘дракон, змей’, *mahrma* ‘платок’ и т. п. В этом языке, как и в HR, проедпочитаются формы *hrđa*, *hrvati se*, *hrzati* формам *rđa*, *rvati se*, *rzati*.^{47,48}

Орфографические нормы BS, опубликованные в пособии Halilović 1996, отличаются в ряде случаев или от норм HR, или от норм SR, или от обеих, причем автор BS-норм придерживается мнения, что не стоит во что бы то ни стало создавать различия между BS, HR, CG и SR.⁴⁹ В орфографии BS наблюдаются тенденции сближения с HR, скажем, написание точки после римских цифр, использование сокращений и т. п., написание будущего первого типа *pisat ću* и иностранных слов типа *München*.⁵⁰ В орфографии BS все сильнее наблюдается нарушение фонологического принципа Вука Караджича. В бошняцком правописании имеется особенность, не охваченная сербским и хорватским: вместо *Miličin* ‘притяж. прил. от

ниях имперфекта: *dóđok* ‘я пришел’, *njig* ‘их’, *òvijeg* ‘этих’, *gràg* ‘горox’, *mīšljāgū* ‘они думали’. Ареал распространения этого явления охватывает преимущественно южные и юго-восточные области, но он доходит вплоть до Сараева» (Ibid., s. 180). В говорах Баната х произносится с ослабленной артикуляцией как гуттуральный спирант *h* (под влиянием румынских диалектов Баната, где имеется такой звук) (Ibid., s. 105). Говоры, в которых сохраняется *x*, распространены в основном на западе Черногории.

47 Ibrahim Čedić, “Bosanskohercegovački jezički standard u XX vijeku,” Branko Tošović i Arno Wonisch, ur., *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika*, s. 60.

48 В некоторых случаях появляется так называемое вторичное х: *lābavo* > *hlābavo* ‘расслабленно’, *lōnac* > *hlōnac* ‘кастрюля’ (Високо, Плаховичи – восточнбоснийские шчакавские говоры). У бошняков в Тузле можно услышать *prōhci* ‘мн. ч. от *prōsac* – *prōsci* ‘сват’, *trēhnēm* от *trēsēm* ‘я ударю’.

49 Senahid Halilović, “Osobnosti pravopisne norme bosanskoga/ hrvatskoga/ srpskog i crnogorskog jezika,” Branko Tošović i Arno Wonisch, ur., *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika*, s. 178.

50 Dževad Jahić, “Fragmenti o jezičkim odnosima između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika,” u Branko Tošović i Arno Wonisch, ur., *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika*, s. 25.

Milica (женское имя)’ в BS предписывается *Milicin*. В BS-правописании комбинации **d + ts (c)**, **tj (č)** и **te (ć)**, как и в сербском, записываются через **tc, tč, tć**: *otcijediti, otcijepiti, otcuriti, potcijeniti, potcertati, potčiniti, otčusnuti*. Это же решение предлагает «Rječnik bosanskog jezika»: *aparàtčik, otcijèpiti (se), otcjepljenje, potcijèniti, potcjenjivāčkī, potcjenjivānje, potcjenjivati, potcrtati, potcertavati, pòtčasnīk, potčīniti (se) / potčīnjavati, pòtčīnjenī, pòtčīnjenōst, pòtčovjek, pòtčūčanj*.⁵¹ В «Školski rječnik bosanskog jezika» удалось найти только один пример: *otčītati* ‘прочесть’.⁵² В хорватском правописании комбинация **d + c, č, ć** записывается как **dc, dč, dć**.⁵³ **D + c > dc** – *čeljādce* уменш. от *čeljād* ‘человечек’, *nādcestār* от *nad + cēstār* ‘работник уличной службы’, *nādcestārev/nādcestārov* прил. от *nādcestār, nādcvjetnī* ‘надпестичный’, *odcāpariti* ‘оттяпать’, *odcijèditi/ odcjeđivati* ‘выцедить/выщеживать’, *odcijèpiti/ odcjepljivati* ‘отрубить/отрубать’, *odcjepljenje* ‘отрубание’, *odcūriti* ‘утечь’, *podcijèniti/ podcjenjivati* ‘недооцени(ва)ть’, *podcijèpiti* ‘подломить, разорвать’, *podcīkivati* ‘повизгивать’, *pòdcrtati/ podcertavati* ‘подчеркнуть/подчеркивать’, *pòdcvjetnī* ‘подцветочный’. **D + č > dč** – *domòrodče* уменш. от *domoròdac/domòrodac* ‘абориген’, *mlādcē / mladūncē* уменш. от *mlādac* ‘молодой человек, юноша’, *mlādcēv* притяж. прил. от *mlādac* ‘молодой человек, юноша’, *mēdvjedče* ‘медвежонок’, *nādcōvječān/ nādcōvječānskī* ‘сверхчеловеческий’, *nādcōvječnōst* ‘сверхчеловечность’, *odčèpiti/ odčepļivati* ‘откупорить’, *pòdčasnīčkī* ‘унтер-офицерский’, *podčīniti/ podčīnjavati* ‘подчинить/подчинять’, *podčīnjènik* ‘подчиненный’, *pòdčīnjenōst* ‘подчинение, подчиненность’, *podčīnōvnica* ‘подчиненная’, *podčīnōvnīčkī* ‘принадлежащий подчиненному’, *prēgradčīć* уменш. от *prēgrada* ‘перегородка’, *vòdčēv* притяж. прил. от *vòdac* ‘гид, проводник’. **D + ć > dć** – *nādčūtīlan* ‘сверхчувствительный’, *nādčūtīlnōst* ‘сверхчувствительность’, *òdčūsnuti* ‘оттолкнуть’.⁵⁴

51 Čedić, *Rječnik bosanskog jezika*.

52 Dževad Jahić, *Školski rječnik bosanskog jezika* (Sarajevo: Ljiljan, 1999).

53 PHJ s. 135; PH s. 50; Lada Badurina, Ivan Marković, i Krešimir Mićanović, *Hrvatski pravopis* (Zagreb: Matica hrvatska, 2007), s. 31.

54 О других различиях между орфографическими нормами BS, Hr и SR см.: Ibrahim Čedić, “Neke pravopisne i fonološke razlike normi bosanskog, hr-

Акустические и артикуляционные различия между BS, HR и SR встречаются реже, что подтверждает анализ записей 18 коротких предложений текста «Jutro» («Утро»).⁵⁵ Для получения ответа на этот вопрос был проанализирован и письменный бошняцкий-сербско-хорватский корпус Gralis (Gralis-Korpus-www). Он охватывает (по состоянию на 2 мая 2009 года) в бошняцком подкорпусе 457 026, в сербском 1 383 919 и в хорватском 1 401 455 токенов (словоупотреблений). Самая частая фонема во всех трех языках – **а**, за ней следуют **е**, **о** и **и**. Гласный **и** находится на 9 месте в SR и на 10-м в

vatskog i srpskog jezika,” Branko Tošović i Arno Wonisch, ur., *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika*; Halilović, “Osobnosti pravopisne norme bosanskoga/ hrvatskoga/srpskog i crnogorskog jezika”; Hasnija Muratagić-Tuna, *Bosanski, hrvatski, srpski: Aktuelni pravopisi (sličnosti i razlike)* (Sarajevo: Bosansko filološko društvo, 2005) i “Paralela aktuelnih pravopisa bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika,” Branko Tošović i Arno Wonisch, ur., *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika*.

55 Этот текст гласит: «Jutros su me vrlo rano ptice probudile. Sunce je tek bilo izašlo iza brda. U daljini se prostirala velika šuma. U njoj su rasli borovi, jele, breze i omorike. Na livadama oko šume pasle su ovce i krave. Na travi je i dalje ležala rosa. U obližnjem parku ptice su cvrkutale. Grad se postepeno budio. Ulice su postajale sve bučnije. U dvorištu su se pojavila dva psa. Oni su se veselo igrali, povremeno lajući. Iza dvorišta su dopirali zvuci tramvaja. Đaci su se spremali za odlazak u školu. Neki od njih imali su na sebi džempere. Trgovine su počele s radom. Poštari su raznosili pisma. Jutro je sve više prelazilo u dan. Ja se spremam za rad». (Branko Tošović, *Jutro*, <http://www-gewi.kfunigraz.ac.at/gralis/0.Projektarium/Gralis-Audiotexte/Jutro.htm>. Stand 12.12. 2006). «Сегодня очень рано утром меня разбудили птицы. Солнце только что вышло из-за холма. Вдали простирался большой лес. В нем росли сосны, ели, березы и пихты. На лугах около леса паслись овцы и коровы. На траве все еще лежала роса. В ближайшем парке птицы щебетали. Город постепенно просыпался. Улицы становились все шумнее. Во дворе появились две собаки. Они весело играли, время от времени лая. Со стороны двора доносились звуки трамвая. Школьники собирались пойти в школу. Некоторые из них были одеты в джемперы. Магазины начали работать. Почталоны разносили письма. Утро все больше переходило в день. Я собираюсь пойти на работу» (Branko Tošović, <http://www-gewi.uni-graz.at/gralis-alt/0.Projektarium/Gralis-Audiotexte/Jutro-ru.doc>. 2007).

HR и BS подкорпусах. Гласные буквы представлены следующим образом:

Табл. 1. Гласные в корпусе текстов *Gralis*

Гласный	BS	SR	HR
а	226 657	689 769	684 662
е	172 290	552 128	543 033
о	181 391	539 724	560 660
и	189 545	530 592	584 578
и	85 462	250 704	259 215
Всего	1 730 698	5 422 602	5 037 327

Самые частые гласные в сербском – **а**, **е** и **о**, в хорватском и бошняцком – **а**, **и** и **о**. Процентные соотношения показывают, какая дистанция существует между этими тремя языками.

Табл. 2. Различие в распределении гласных между BS, HR и SR

Гласный	BS	SR	HR
а	13,10%	12,72%	13,59%
е	10,0%	10,18%	10,78%
и	10,95%	9,78%	11,60%
о	10,48%	9,95%	11,1%
и	4,94%	4,62%	5,15%
Всего	100,00%	100,00%	100,00%

В отношении дистанции между SR и BS складывается следующая последовательность: **и** (1,17%), **о** (0,53%), **а** (0,38%), **е** (0,18%) и **и** (0,32%). Процентная дистанция между SR и HR достигает максимума в случае с **и** (1,82%), затем идут **о** (1,15%), **а** (0,87%), **е** (0,60%) и **и** (0,53%). Одной из причин расхождения в случае **и** является рефлекс **я**. Корреляция выглядит следующим образом: **и** (1,35%), **е** (0,78%), **о** (0,62%), **а** (0,49%), **и** (0,21%).

Данные корпуса *Gralis* демонстрируют, что частотность отдельных согласных в BS, HR и SR неодинакова:

Табл. 3. Частотность согласных фонем в корпусе *Gralis*

Фонема	Процент			Количество	Среднее (%)
	BS	SR	HR		
n	10,77	10,89	10,72	842 416	10,79
i	8,99	7,33	9,08	658 077	8,47
s	8,55	8,50	8,33	640 803	8,46
r	8,28	8,25	8,16	620 328	8,23
t	7,75	7,85	8,11	650 265	7,90
m	6,56	6,27	6,07	467 550	6,30
v	5,83	6,29	6,09	479 012	6,07
k	6,00	6,04	6,08	485 413	6,04
d	6,10	6,32	5,65	471 951	6,02
l	5,77	6,01	6,14	470 471	5,97
p	4,83	4,97	4,89	383 355	4,90
z	3,07	3,33	3,30	255 762	3,23
g	3,04	3,20	3,03	241 985	3,10
b	2,60	2,58	2,53	148 985	2,57
ʃ	1,81	2,02	1,83	148 467	1,88
tʃ	1,57	1,84	1,74	121 796	1,71
ts	1,62	1,55	1,55	96 574	1,57
x	1,56	1,43	1,38	91 053	1,45
ń	1,27	1,21	1,26	81 692	1,24
ȳ	1,09	1,19	1,17	75 884	1,15
z	1,07	1,04	1,04	26 755	1,05
í	0,97	0,92	1,03	3 958	0,97
f	0,47	0,59	0,46	136 957	0,51
z	0,36	0,36	0,32	111 095	0,35
ž	0,09	0,04	0,05	40 151	0,06
	1 113 413	3 276 212	3 412 227	7 801 852	99,07

Десять согласных имеют наивысшую частотность в сербском языке (**n, v, d, p, z, g, ʃ, tʃ, ȳ, f**), девять согласных – в BS (**s, r, m, b, x, ń, z, í, ž**) и четыре – в HR (**i, t, k, l**). Согласный **ts** отличается одинаковой частотностью в SR и в HR, а **z** – в SR и в BS. Во всех трех языках **n, i, s, r** и **t** относятся к числу наиболее частотных согласных, тогда как **ž, z, f, í** и **z** наименее употребительны.

Приведенная ниже таблица отражает процентные различия в использовании согласных между BS, SR и HR (знак «плюс» указывает на значения, превышающие среднее, а знак «минус» – на значения меньшие среднего):

Табл. 4. Процентные различия между согласными BS, HR и SR по данным корпуса *Gralis*

Фонема	Процент			Количество	Среднее (%)
	BS	SR	HR		
n	-0,02	+0,1	-0,07	842.416	10,79
i	-0,52	-1,14	+0,61	658.077	8,47
s	+0,09	+0,04	-0,13	640.803	8,46
r	+0,05	+0,02	-0,07	620.328	8,23
t	-0,15	-0,05	+0,21	650.265	7,90
m	+0,26	-0,03	-0,23	467.550	6,30
v	-0,24	+0,22	+0,02	479.012	6,07
k	-0,04	0	+0,04	485.413	6,04
d	+0,08	+0,3	-0,37	471.951	6,02
l	-0,2	+0,04	+0,17	470.471	5,97
p	-0,07	+0,07	-0,01	383.355	4,90
z	-0,16	+0,1	+0,07	255.762	3,23
b	+0,03	+0,01	-0,04	148.985	2,57
g	-0,06	+0,10	-0,07	200.082	3,10
ʃ	-0,07	+0,14	-0,05	148.467	1,88
tʃ	-0,14	+0,13	+0,03	121.796	1,71
ts	+0,05	-0,02	-0,02	96.574	1,57
x	+0,11	-0,02	-0,07	91.053	1,45

ń	+0,03	-0,03	+0,02	81.692	1,24
ȥ	-0,06	+0,04	+0,02	75.884	1,15
ž	+0,02	-0,01	-0,01	26.755	1,05
í	0	-0,05	-0,06	3.958	0,97
f	-0,04	+0,08	-0,05	136.957	0,51
z	+0,01	+0,01	-0,03	111.095	0,35
ž	+0,03	-0,02	-0,01	40.151	0,06
	1.113.413	3.276.212	3.412.227	7.801.852	99,07

Данные свидетельствуют о том, что расстояние между отдельными языками корпуса невелико. Только одна фонема демонстрирует отклонение от среднего, превосходящее 1% (i в SR: -1,14%). Далее следует группа отклонений, составляющих менее 1%: +0,61% (i в HR), -0,52% (i в BS), -0,37 (d в HR), +0,30 (d в SR), +0,26 (m в BS), -0,24 (v в BS), -0,23 (m в HR), +0,22 (v в SR), +0,21 (t в HR), -0,20 (l в BS), +0,17 (l в HR), -0,16 (z в BS), -0,15 (t в BS), +0,14 (j в SR), -0,14 (tj в BS), -0,13 (s в HR), +0,13 (tj в SR), +0,11 (x в BS) и +0,10 (n, g, z в SR). В двух случаях частотность согласного в одном из языков совпадает со средней частотностью (k в SR и í в BS). Наименьшее отклонение (0,01%) имеют b в SR, z в SR, ž в SR и HR, ž в SR и BS и ž в HR. На 0,02% отклоняются n в BS, r в SR, v в HR, ts в SR и HR, x в SR, ń в HR, ȥ в HR и ž в BS. Наибольшее отклонение наблюдается у i, частотность которого в HR на 0,61% выше среднего, а в SR и BS – ниже соответственно на 1,14% и 0,52%. Причина более низкой частотности в SR состоит в использовании экавицы. Корпус *Gralis* отчетливо показывает, что между BS, HR и SR нет больших различий в употреблении аффрикат tj – BS 1,57%, SR 1,84%, HR 1,74; ȥ – SR 1,19%, HR 1,17%, BS 1,16%.

Если в хорватском языкознании орфографический статус звука ȥ ставится некоторыми исследователями под вопрос, то в сербской и в бошняцкой лингвистике такой тенденции не наблюдается, хотя мусульманское население во многих случаях не различает tj и ȥ. «К боснизмам можно отнести и слова, в которых не различаются звуки č, ć, dž, đ: *đamija*, *ćetiri*, а также удвоенные согласных в произношении тюркизмов *džennet*, *džehennem*, *Muhammed*, затем некоторые специфические формы из подлинного арабского языка, напр.,

Kur'an, произношение и написание соответствующей паузы между r и a. Боснизмами можно считать и глагольные формы *more*; *pe more* [...]».⁵⁶

Табл. 5. Различия в частотности фонем tj и ȥ в корпусе *Gralis*

Количество			
Фонема	BS	SR	HR
tj	17.452	60.179	59.326
ȥ	12.096	38.997	39.960
%			
Фонема	BS	SR	HR
tj	1,57	1,84	1,74
ȥ	1,16	1,19	1,17

Для определения фонетико-фонологических различий между BS, HR, SR и CG нами проведен также анализ боснийских, сербских, хорватских и черногорских центральных выпусков теленовостей от 7 мая 2007 года. Общая продолжительность записанного материала составляет 125 минут, из которых самая длинная часть продолжительностью 38 минут приходится на новости сербского канала RTS (*DnevRTS*), а самой короткой явились 24 минуты теленовостей HRT (*DnevHRT*). Сербский информационный выпуск имел незапланированную длину в связи с кризисом вокруг формирования правительства Сербии. Все выпуски новостей вместе взятые содержат 93 569 фонем, при этом их число в каждом отдельном выпуске соответствует его длительности.

Табл. 6. Фонемы в четырех исследуемых выпусках теленовостей

Выпуск	Фонемы
DnevRTS	28 920
DnevRTCG	24 609
DnevTVBiH	22 095
DnevHRT	17 945
Всего	93 569

56 Jahić, "Fragmenti o jezičkim odnosima između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika," s. 30.

Расхождения в обеих новостных передачах минимальны и колеблются между 0,09% и 0,41%: для **a** это 0,10, для **i** 0,09, для **e** 0,14, для **o** 0,20 и для **u** 0,41. Меньше всего расхождение в случае гласного **i** (0,09), а больше всего – в случае гласного **u** (0,41).

Табл. 7. Гласные в четырех исследуемых выпусках теленовостей

№	Гласный	Dnev-TVBiH	Dnev-RTS	Dnev-HRT	Dnev-RTCG	%
1	a	11,28	11,84	11,9	11,74	11,69
2	e	9,71	9,71	8,88	8,85	9,33
3	i	9,7	9,24	9,77	9,15	9,43
4	o	9,12	9,18	9,14	8,98	9,1
5	u	4,03	4,22	4,01	3,81	4,03
Всего		44,19	43,84	43,7	42,53	43,58

Эти расхождения объясняются, прежде всего, различными рефлексамия, поскольку в то время как в экавице во всех случаях представлено **e** (тип *mleko* ‘молоко’), долгий рефлекс **я** в иекавице, помимо наличия **e**, приводит также к учащенной встречаемости гласного **i** (*mlijeko* ‘молоко’). Если собрать результаты воедино, получаем средний коэффициент несовпадения 0,19%.

Сопоставление результатов, полученных при анализе DnevRTCG и DnevRTS, с результатами анализа DnevHRT и DnevTVBiH позволяет заключить, что во втором случае различия в отношении средней величины (43,58%) минимальны: DnevHRT +0,12, DnevTVBiH +0,14, DnevRTCG +0,61, DnevRTS -1,05. Это означает, что максимальное расхождение составляет 1,05, а минимальное 0,24. Различия в средней величине между выпусками новостей не выходит за рамки одного процента и составляет 0,48. Только DnevRTS содержит меньшее число гласных по отношению к среднему показателю четырех анализируемых передач (0,93).

57 Stjepan Babić et al., *Povijesni pregled, glasovi i oblici hrvatskoga književnog jezika* (Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, 1991), s. 352.

Сравнение этого результата с полученными Иво Шкаричем⁵⁷ на хорватском материале (к сожалению, отсутствуют какие-либо указания на число и статус опрошенных лиц) показывает, что у него доля гласных лежит чуть выше приведенной средней величины (43,58% : 44,12%), вследствие чего разница составляет 0,54.

Табл. 8. Сравнение данных о структуре гласных теленовостей с данными Шкарича⁵⁸

№	Гласный	Dnev-TV-BiH	Dnev-RTS	Dnev-HRT	Dnev-RT-CG	Кол-во	%	Škarić 1991
1	a	2 493	3 423	2 137	2 889	10 942	11,69	11,64
2	e	2 146	2 809	1 593	2 178	8 726	9,33	9,34
3	i	2 143	2 672	1 753	2 253	8 821	9,43	9,61
4	o	2 016	2 654	1 640	2 209	8 519	9,1	8,98
5	u	891	1 220	720	938	3 769	4,03	4,55
Всего		12 778	9 689	7 843	1 467	40 777	43,58	44,12

Система ударений BS, HR и SR представляет собой сочетание двух просодических характеристик: количество, т. е. длительность звука, и качество, т. е. изменение тона, подъем или снижение. Если же учитывать, что, помимо двух восходящих (долгого и краткого) и двух нисходящих (долгого и краткого) ударений в этих языках присутствует так называемая долгота, то можно говорить о пятичленной просодической системе.⁵⁹ Стремясь воссоздать объ-

58 Ivo Škarić, “Fonetika hrvatskog književnog jezika,” Babić et al., *Povijesni pregled, glasovi i oblici hrvatskoga književnog jezika*, s. 352.

59 Воссоздание объективной и полной картины просодических различий между BS, HR и SR сопряжено по многим причинам со значительными трудностями. Система ударений этих языков исследована в разной степени, наименее исследованной остается бошняцкая просодия. Не только теоретические, но и эмпирические исследования обходят эту проблему стороной. Большинство лингвистических справочников рассматривает, прежде всего, лексику и в гораздо меньшей мере грамматику, а проблема ударения в них почти не затрагивается. Создается впечатление, что авторы стараются избегать этой опасной темы словно минного поля. Сложность этой темы заключается в том, что лежащие в ее основе явления и процессы

ективную картину исследований, посвященных ударению BS, HR и SR, мы ознакомились с 307 тематическими работами и статьями по фонетике, фонологии, словообразованию, грамматике и стилистике, пытаясь понять, насколько в этих работах представлена и изучена проблема ударения. Среди исследованных работ – монографии, справочники, сборники статей, словари, сборники упражнений и научно-популярные издания. В рамках этого пилотного исследования мы выяснили, что 96,1% литературы по названным лингвистическим дисциплинам посвящены HR или SR, что неудивительно, так как BS обрел статус самостоятельного языка только в девяностые годы. Нам неизвестны сравнительные исследования ударения BS, HR и SR. Объясняется это, видимо, тем, что еще до недавнего времени действовала единая сербохорватская орфоэпическая норма, и ударение рассматривалось в рамках диалектных вариаций.

Современное состояние системы ударений в BS, HR и SR может быть образно представлено в шахматных терминах. Ситуация в BS – исходная позиция, в HR – матовая, в SR – патовая, а в Черногории – блок-позиция. Ситуация, в которой находится система ударений в BS, была названа «исходной позицией», потому что процесс стандартизации BS находится в начальной стадии своего развития. Такие сложные темы, как анализ и возможное изменение правил постановки ударений связаны со значительными затратами времени и сил. Суть проблемы сводится к двум основным вопросам: 1. как следует нормировать ударение в BS? 2. как соотносятся между собой системы ударения трех литературных языков Боснии и Герцеговины? Что касается ответа на первый вопрос, то здесь не наблюдается значительных усилий, направленных на изменение стандарта. Ответ на второй вопрос может быть найден, если принять во внимание четыре фактора: 1. все три литературных языка Боснии и Герцеговины (BS, HR, SR) следуют орфоэпической норме Караджича, 2. отсутствуют признаки, которые встречаются только в одном

с трудом поддаются описанию, нормированию и сравнению в силу взаимных корреляций. Различная трактовка решений, диктуемых практикой, а также разногласия относительно явных или скрытых норм создают дополнительные трудности.

из языков или только в языке одной этнической группы, 3. в этих языках наблюдаются многочисленные варианты ударений, 4. нисходящее ударение встречается, как правило, только в начале слова.⁶⁰ Влияние турецкого в Боснии проявляется в меньшей степени в просодии, чем в лексике.⁶¹ Наила Валевац неоднократно подчеркивает, что три литературных языка Боснии и Герцеговины практически не отличаются друг от друга, и если имеются различия, то они незначительны. Есть основания предполагать, что ее выводы имеют дополнительную подоплеку. После цитирования Мидхата Риджановича (который писал в 2003 году: «В Боснии и Герцеговине, где хорошо сохранилась ‘классическая’ система ударения, различия в ударении иногда в гораздо большей степени означают лингвистический контраст, чем сегментное различие») следует высказывание автора: «Просодия языков Боснии и Герцеговины была и остается территориально маркированной, несмотря на распад боснийско-герцеговинского литературного языка. При более благоприятных политических и общественных условиях просодия языков Боснии и Герцеговины могла бы, несомненно, стать основой создания нового общего языка [разрядка автора – Б. Т.]».⁶²

Послеударная долгота, которая наиболее ярко выражена в диалектах Боснии и Герцеговины, утрачивается в других регионах. Это явление становится особенно очевидным при сравнении городских областей Боснии и Герцеговины с расположенной к востоку от них сербской областью: «Научные исследования и точные измерения показывают, что боснийское и герцеговинское ударение превышает сербское по длине и интенсивности [...]».⁶³

В одной из работ Наила Валевац сравнивает BS с SR и HR, утверждая, что все три языка имеют общую основу – штокавский диалект, и в силу этой общности демонстрируют больше сходств,

60 Valjevac, “Standardna novoštokavšina i jezička situacija u Bosni i Hercegovini.”

61 Ibid., s. 63.

62 Ibid., s. 65.

63 Ibid., s. 63.

чем различий.⁶⁴ Затем она говорит о дивергентном стремлении при разработке литературных вариантов этих языков: «Эти попытки вызваны стремлением создать как можно больше явных различий и тем самым поддержать политически обусловленный распад общего стандарта. С самого начала номинальной дифференциации и в процессе формирования новых норм предпринимаются попытки создать как можно больше различий между этими языками». Согласно Валевац, последствия такого лингвистического вмешательства прослеживаются во всех трех языках. Они проявляются, в частности, в том, что при создании новой литературной нормы предпочтение отдается языковым элементам, которые раньше были непривычны или незнакомы носителям определенного языка. Валевац считает, что нет необходимости выискивать различия при разработке боснийского литературного языка: «Даже если существует необходимость отделения литературного сербского и хорватского от боснийского, совершенно бессмысленно настаивать на отличии боснийского от этих двух языков».⁶⁵ Подобные попытки, которые автор рассматривает как часть «языковой инженерии» или «бизнес-лингвистики» в военные и послевоенные годы, наносят BS тяжелый и невосполнимый ущерб.⁶⁶ Затем автор констатирует, что грамматическая структура BS в той или иной мере соответствует грамматике SR и HR, в то время как нормативная просодия, хоть и базирующаяся на тех же принципах, что в SR и HR, значительно отличается скорее на практике, чем в теории.⁶⁷ «В боснийском литературном языке, как и в двух других, до сих пор действует новоштокавская система четырех ударений. Ее отличительные признаки – два долгих ударения (долгое восходящее и долгое нисходящее), два кратких ударения (краткое восходящее и краткое нисходящее) и по большей части хорошо сохранившаяся, но не всегда обязательная длительность».⁶⁸ Валевац утверждает, что просодия, несмотря

64 Naila Valjevac, "Bosanski standardni jezik i njegova prozodijska norma," *Wiener Slawischer Almanach [Sonderband]* 57 (2003), s. 303.

65 Ibid., s. 30–43.

66 Ibid., s. 305.

67 Ibid., s. 306.

68 Ibid., s. 306.

на политизированность вопросов языка в Боснии и Герцеговине, была и остается наиболее значительным и имманентным элементом языковой системы, символизирующим аутентичность и автохтонность BS, который не затронули изменения и который не был скомпрометирован внеязыковыми обстоятельствами. BS не нуждался и не нуждается в норме, базирующейся на строгом пуризме. «С того момента, как боснийский язык будет очищен от всевозможных дублетов, он перестанет быть боснийским».⁶⁹

Валевац перечисляет несколько особенностей ударения в BS: 1. просодические явления как на уровне диалекта, так и на уровне сублитературного и литературного BS Боснии и Герцеговины не несут национальной окраски, 2. эти явления не выходят за рамки установленной ранее просодической нормы, 3. просодические явления в рамках литературного BS, как правило, не отклоняются от принципов, на которых базируется действующая сербско-хорватская орфоэпическая норма.⁷⁰ Автор подчеркивает, что в языке наблюдается естественная просодическая эволюция, при этом более старые формы ударения сдают позиции под давлением простых аналогичных просодических форм, имеющих более высокую частотность. Некоторые формы ударения оказываются более устойчивыми, чем другие (они возникают параллельно с другими формами и вытесняют их, особенно преуспели в этом краткие ударения), при этом нисходящие ударения уступают место восходящим. Автор считает, что будущая просодическая норма боснийского литературного языка должна базироваться на автохтонной и аутентичной боснийско-герцеговинской разговорной речи.⁷¹

Исследование Наилы Валевац позволяет сделать следующие выводы. (1) После распада общего литературного языка боснийскому литературному языку предстоит процесс трансформации. (2) В боснийско-герцеговинском литературном языке на практике, в том числе и в средствах массовой информации и других общественных сферах, доминирует просодическая импровизация без жестких ор-

69 Ibid., s. 303.

70 Ibid., s. 310.

71 Ibid., s. 309.

фоэпических правил и учета орфоэпических словарей. (3) Просодическая анархия BS не столь опасна для базового диалекта, чем где бы то ни было, и не затрагивает литературный язык, поэтому она должна стать предметом языковой политики и языкового планирования и должна быть стандартизирована. (4) Боснийская просодия не ограничивается национальными границами (все боснийцы в Боснии и за пределами страны, выучившие язык в Боснии, демонстрируют ярко выраженное боснийское произношение, которое является более интенсивным, выразительным и устойчивым, чем сербское и хорватское). (5) В боснийской просодии не наблюдается ярко выраженных имманентных различий по этническому признаку, то есть различий в произношении бошняков, хорватов и сербов. (6) Боснийская просодия имеет четкие территориальные границы и может служить основой для социокультурной дифференциации (жители Герцеговины отличаются от боснийцев, жители Мостара отличаются от жителей боснийской Краины, жители Сараева от жителей Би-хача, но бошняки не отличаются по произношению от боснийских сербов или боснийских хорватов).⁷²

Наила Валевац видит ситуацию с внешними аспектами орфоэпической нормы BS так: «Если сравнивать просодические характеристики литературных вариантов, принятых в Боснии и Герцеговине, с теми же литературными вариантами, принятыми за пределами Боснии, то бросаются в глаза существенные различия. В боснийском и герцеговинском вариантах ударение в значительно большей степени соответствует абстрактной просодической модели, которой следуют сторонники орфоэпической нормы. Научные исследования и измерения показывают, что ударение в сербском,

на котором говорят в Боснии и Герцеговине, является более долгим и интенсивным, чем в сербском, на котором говорят в Сербии. Несмотря на отсутствие аналогичных сравнительных исследований боснийского и герцеговинского хорватского и хорватского, на котором говорят в Хорватии, схожее соотношение наблюдается и между этими языками. Эти наблюдения основываются на слуховом восприятии, которое, ввиду отсутствия результатов научных исследований, было и остается единственным источником для сравнительных наблюдений в области просодии [...]».⁷³ Наила Валевац далее утверждает: «В сербском, на котором говорят в Сербии, как и в старых штокавских диалектах (торлакском и косовско-ресавском диалекте), имеется только одно краткое ударение, длительность в безударной позиции отсутствует. Хорватский, на котором говорят в Хорватии, находится под сильным влиянием кайкавского диалекта, который распространен в районе Загреба. Известно, что приобретенный однажды вокализм и установившаяся система ударения с трудом поддаются изменению, поэтому хорватский литературный язык, сформировавшийся в Загребе, то есть в кайкавской области, в значительной степени подвержен влиянию кайкавского. Несмотря на то, что орфоэпическая норма хорватского базируется на новоштокавском произношении, которое преобладает в Боснии и Герцеговине, на практике хорватское произношение имеет местные черты, за исключением хорватского, на котором говорят в Боснии и Герцеговине. В этом смысле хорватский исключительно разнороден. Попытки создания единой орфоэпической нормы могут поставить под вопрос единство общехорватского языка».

Иво Пранькович считает, что состояние нормы постановки ударений литературного BS отличается от хорватской ситуации, потому что боснийская норма «по праву» считается производным «центральноштокавского» диалекта и поэтому в большей степени соответствует норме Маретича.⁷⁴ Пранькович, признавая, что Дже-

73 Valjevac, "Standardna novoštokavšina i jezička situacija u Bosni i Hercegovini," s. 62–63.

74 Ivo Pranjković, "Za demokratizaciju hrvatske ortoepske norme," *Jezik i demokratizacija. Posebna izdanja Instituta za jezik u Sarajevu* 12 (2001), s. 303.

72 О сходстве и различии между BS, HR и SR см. также Alen Kalajdžija, "Nedosljednost prenošenja silaznih akcenata na proklitike u morfološkim i leksičkim kategorijama," Branko Tošović i Arno Wonisch, ur., *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika*; Naila Valjevac, "Akcentatske sličnosti i razlike između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika s posebnim osvrtom na jezik u BiH," i "Fonološka funkcija prozodema u bosanskom, hrvatskom i srpskom standardnom jeziku," u Branko Tošović, Arno Wonisch, ur., *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika*.

вад Яхич, автор «Грамматики», также придерживается этого мнения, отмечает, что некоторые тезисы Яхича далеки от реальности: «1. на мой взгляд, совершенно нереально настаивать на сохранении классического ударения в случае долгого рефлекса *ять*, как, например, в словах *snijeg* ‘снег’ или *mlijeko* ‘молоко’. Здесь более реальным было бы ударение, которое уже давно принято в литературном хорватском языке, например, в словах *snijêg* или *mlijêko*, потому что так говорят практически во всех областях Боснии и Герцеговины. 2. Кроме того, я полагаю, что некоторые случаи трансформации нисходящего ударения в восходящее необоснованны, как, например, в словах *inteligèntan* ‘интеллигент’, *evidèntan* ‘очевидный’, *kupopròdaja* ‘купля-продажа’, и я так же считаю, что в словах *agitator* ‘агитатор’, *reprèsàlija* ‘репрессия’, *završētākā* ‘конец, завершение, род. п. мн. ч.’ наряду с классическим ударением могут допускаться варианты ударения *agitátor*, *represàlija*, *završētāka* [...]».⁷⁵

Что касается лексического уровня, в целях доказательства своей самобытности и своего своеобразия BS находит самый благоприятный источник в широком использовании ориентализмов (восточных элементов), что ни в коем случае не наблюдается в HR и SR. «Тюркизмы являются самым важным признаком боснийского языка, и его вообще невозможно представить без этого его восточного лексического пласта».⁷⁶ BS является «исламизированным», так как в процессе определения правил современного боснийского языка является неизбежным определенным вид «исламизации».⁷⁷ На вопрос, грозит ли этому языку опасность чрезмерной «фундаментальной исламизации», т. е. чрезмерной архаизации и возврата к старым турецким рамкам, разрыва некоторых органических связей с родственными южнославянскими языками и с западной культурой вообще, следует ответ: «Грозит, потому что здесь ключевым вопросом является отношение бошняцкой культуры к исламу».⁷⁸ С

другой стороны, продолжает автор, существует опасность «деисламизации» BS, опасность удаления от восточной культуры и разрыва с его историческими корнями во имя модернизации и европеизации. Тюркизмы (*turcizmi*) являются относительно редкими в HR, в то время как в SR это не так, поэтому в этом отношении BS ближе к SR, но дальше от HR; с другой стороны, HR обладает большим количеством германизмов и романизмов, что не является характерным для BS и HR.⁷⁹ Так наз. боснизмами (*bosnizmi*) чаще всего являются тюркизмы, скажем, к ним можно отнести слово *bolan*.⁸⁰ В отличие от HR для BS пуризм является не характерным, потому что этот язык являлся открытым по отношению к другим.⁸¹ «Он был постоянно во время своего существования открытым для влияний и с востока, и с запада».⁸² В его интересах является открытость, и он относится к группе открытых, даже широко открытых языков.⁸³ В этом отношении BS ближе к SR, чем к HR. Лишь конкретные исследования могут подтвердить или опровергнуть положение о том, что лексические различия между BS и HR более выражены, чем между BS и SR.⁸⁴

В анализе первых десяти самых частотных слов в параллельном BS/HR/SR-корпусе «Гралис» в университете Граца, охватывающем 3 265 396 словоупотреблений, мы пришли к выводу, что (1) BS, HR и SR в большей части лексики совпадают, (2) что варьирование в порядке слов минимально и (3) что оно касается перестановки ближайших позиций (третья ↔ вторая, восьмая ↔ седьмая и т. п.). Во всех трех языках самым частотным словом является *biti* (он включает в себя и вспомогательный глагол *jesam*). На втором месте находится союз *i*. На третьем месте в BS стоит предлог *u*, в HR возвратная частицы и местоименная форма *se*, а в SR *da* (частица, союз и форма 3. лица настоящего времени от *dati*). Заметное разли-

79 Ibid., s. 25.

80 Ibid., s. 30.

81 Ibid., s. 20.

82 Ibid., s. 37.

83 Ibid.

84 Ibid., s. 25.

75 Ibid., s. 303–304.

76 Jahić, “Fragmenti o jezičkim odnosima između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika,” s. 32.

77 Ibid., s. 35.

78 Ibid., s. 36.

чие в использовании вариантов предлога *s* и *sa*: первая форма чаще встречается в HR (*s* 7 672, *sa* 2 004) и BS (*s* 2 099, *sa* 1 172), а вторая в Sr (*sa* 6 381, *s* 2 462). Данное исследование указывает на то, что различия среди первых двухсот самых частотных слов имеют менее характер межъязыковых системных несовпадений и в основном являются результатом различного/специфичного выбора синонимов и вариантов одного и того же слова. Анализ свидетельствует о том, что в группе из двухсот самых частотных слов нет лексем, которые были бы неизвестны и непонятны простому говорящему всех трех языков и что порог понимания является стопроцентным.

Что касается слов, которые порождают самое большое (хотя статистически минимальное) несовпадение между BS, HR и SR, сюда относятся следующие: в паре HR-SR это *da* (1,0096%), *se* (0,5932%), *bitil/jesam* (0,3780%), *s* (0,3218%), *on* (0,2026%), *sa* (0,13708%), *ja* (0,1339%), *i* (0,1320%), *u* (0,0997%), *reći* (0,0779%), в паре BS-SR *da* (0,7739%), *se* (0,4488%), *niko* (0,3029%), *s* (0,2381%), *on* (0,2023%), *sa* (0,1530%), *i* (0,1320%), *nego* (0,1191%), *bitil/jesam* (0,1151%), *pod* (0,1103%), а в паре BS-HR *bitil/jesam* (0,4931%), *niko* (0,3115%), *da* (0,2357%), *se* (0,1444%), *kada* (0,1286%), *pod* (0,1236%), *nego* (0,1069%), *šta* (0,0928%), *nekoliko* (0,0899%), *postati* (0,0843%). Как видно, в некоторых бинарных корреляциях нет лексем из других пар: в HR-SR *niko*, *nego*, *pod* (из BS-SR, BS-HR), *kada*, *šta*, *nekoliko*, *poslati* (из BS-HR), в BS-SR *ja* (из HR-SR, BS-HR), *u* (из HR-SR), в BS-HR *s*, *on*, *sa*, *i*, *u*, *reći* (из HR-SR), *s*, *on*, *sa*, *i* (из BS-SR). Предлог *u* делает самое больше различие между HR и SR (0,0997%) и стоит на 12 месте, а между BS и HR царит полное совпадение. В паре BS-HR самой большой дифферемой является *bitil/jesam* (в Hr-Sr находится на третьем месте, а в BS-Sr на девятом) и *niko*. Из этого анализа можно сделать вывод, что самое гармоничное отношение дифферем в паре Hr-Sr и BS-Sr, в то время как заметна явная дисгармония BS-HR по отношению к Hr-Sr и BS-Sr. Различно представлены пары с вариантными формами одного и того же значения. Так, в Hr-Sr *što* и *šta* стоят на 23 и 24 позициях (0,0690% и 0,689%), в BS-Sr *što* только на 32-м месте *u* (0,687%), а *šta* на 86-м (0,2387%), в то время как в BS-HR расстояние еще большее: *šta* стоит на 13-м месте (0,0928%), а *što* лишь на 160-м (0,0003%). В Hr-Sr *s* занимает 6-ю позицию, а *sa*

8-ю (0,3118%: 0,1371%), в BS-Sr *s* стоит на 6-ом месте, а *sa* на 11-ом (0,2381%: 0, 0,1530%), в то время как в BS-Sr *s* находится на 16-ом месте, а *sa* лишь на 78-ом (0,0837% : 0,01592%). Наречия *veoma* – *vrlo* являются приблизительно одинаковыми дифферемами в паре Hr-Sr (*veoma* 61-е место, 0,2362% – *vrlo* 82-е место, 0,0139%) и BS-HR (*veoma* 57-е место с 0,2321% – *vrlo* 64-е место с 0,02164%). В BS-Sr *vrlo* является более сильной дифферемой, чем *veoma*. В Hr-Sr *takođe* и *također* стоят на 74-ом и 76-ом местах (0,0166% : 0,0163%), в BS-Sr *također* на 68-ом (0,0342%), а *takođe* на 136 (/0,0666), в то время как в BS-HR *također* занимает 22-ю позицию (0,0508%), а *takođe* 60-ю (0,2296%). Слово *uopšte* больше разделяет BS от HR (67-е место – 0,0207%) и HR от Sr (73-е место – 0,01658%), чем BS от Sr (149-е место – 0,00381%). С другой стороны, *uopće* в паре BS-HR стоит на 32-ом месте (0,0397%), в BS-Sr на 46-ом (0,0513%), а в Hr-Sr на 87-ом (0,0113%). Согласно данному анализу, 150 самых частотных слов охватывают 34,4% – 38,5% всего корпуса (в среднем 36,8%). Этот процент самый маленький в BS-корпусе (34,4%), самый большой SR-корпусе (38,5%), а среднюю позицию занимает HR-корпус (37,6%). Если не учитывать рефлекс *я*, эти три языка больше всего различаются в частоте использования следующих слов: *bitil/jesam*, *da*, *se*, *s*, *on*, *sa*, *ja*, *i*, *u*, *reći*, *na*, *ne*, *kako*, *što*, *šta*, *ili*, *sam*, *a*, *o*, *on/onaj*, *koji*, *ovaj*, *moj*, *od*, *ti/taj*, *nisam*, *jedan*, *kao*, *ali*, *sav*, *njegov*, *slika/ti*, *za*, *ko*, *odgovor/iti*, *veoma*.⁸⁵

Что касается с л о в о о б р а з о в а н и я, мы провели анализ двухсот самых частотных слов из трехъязычного Гралис-корпуса (бошняцко-сербско-хорватского) и, учитывая соотношение формы, значения и частоты их употребления, выделили пять моделей словообразовательной дивергенции между BS, HR и SR.

Модель А включает в себя производные слова, имеющие в BS, HR и SR одинаковую форму, идентичное значение и почти сов-

85 Более подробно о лексическом расстоянии между BS, HR и SR в параллельном Гралис-корпусе BS, HR SR см.: Branko Tošović, "Leksička distanca između bosanskog/ bošnjačkog, hrvatskog i srpskog jezika u Gralis-Korpusu," *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen. Lexik – Wortbildung – Phraseologie, Slawische Sprachkorrelationen* 2 (Münster: LIT. S., 2009).

падающую частоту употребления. Такая лексика является преобладающей в списке 200 самых частотных слов. Сюда относятся, например, *prozor* 'окно', *aktivnost* 'деятельность', *budućnost* 'будущее', *energija* 'энергия', *godina* 'год', *govoriti* 'говорить', *izgled* 'вид, форма, выражение', *količina* 'количество', *ličnost* 'личность', *mišljenje* 'мнение', *moгућност* 'возможность', *nekoliko* 'несколько', *odgovor* 'ответ', *opasnost* 'опасность', *pogled* 'взгляд', *postati* 'стать', *postojati* 'существовать', *potreba* 'необходимость', *pravac* 'направление', *predstavnik* 'представитель', *prilika* 'возможность', *raditi* 'работать, делать', *sposobnost* 'способность', *tečnost* 'жидкость', *voditi* 'вести/водить', *zgrada* 'здание', *značiti* 'значить', *životinja* 'животное'. Они являются формальными и семантическими идентемами, а по частотности – симилемами (единицами, выражающими сходство). Так как данные слова обладают формальной, семантической и почти частотной идентичностью, их нельзя отнести к дивергемам. К этой модели относятся и некоторые форманты типа **-lic-a**: *bušilica* 'буровой инструмент, дрель', *radilica* 'шатун', *kosilica* 'косилка', **-ost** (*radost* 'радость', *mladost* 'молодость', *starost* 'старость').

Модель **B** охватывает производные слова, характеризующиеся одинаковой формой и значением, но различной частотой употребления. Они представляют собой в BS, HR и SR формальные и семантические идентемы, а по частотности – симилемы. В эту модель входит, например, лексема *skupina* 'группа', которая дифференцирует исследуемые языки только степенью использования (в BS 17 словоупотреблений, в SR 5, в HR – 280), а также *pritisak* 'давление', *sigurnost* 'надежность, безопасность'. Единицы данной модели можно считать дивергемами лишь в том случае, если разрыв в их частоте употребления увеличивается. К форманту с такой моделью относится глагольный суффикс **-ira-ti**, преобладающий в BS и HR, и **-ova-ti**, преобладающий в SR (ср. *organizovati* – *organizirati* 'организовать'), а в BS используется и то, и другое, хотя в последнее время заметна тенденция вытеснения **-ova-ti** в процессе сознательной кроатизации BS.

Модель **C** включает производные слова, имеющие различную форму и идентичное значение, причем частота не является релевантной. Данные лексемы являются в BS, HR и SR формальными

ми дифферемами и семантическими идентемами. Такой пример образует пара *ogledalo* – *zrcalo* 'зеркало': оба слова встречаются в BS; первая лексема является типичной для BS и SR, а вторая для HR. Данная модель включает и слова типа *muzika* – *glazba* 'музыка', *porodica* – *obitelj* 'семья', *pažnja* – *pozornost* 'внимание', *partija* – *stranka* 'партия', *utisak* – *dojam* 'впечатление' (первый член пары является типично сербским, второй – типично хорватским). Так как под дивергенцией мы подразумеваем только случаи увеличения расстояния между языками, подобные слова могут стать дивергемами только на количественном уровне. В данной ситуации они являются не дивергемами, а дифферемами. К этой модели относятся и форманты типа адъективного суффикса **-n-i** (*jezički* в BS и SR, *jezični* в HR). К данному типу принадлежат пары с (1) бошняцкими и сербскими интернациональными и (2) хорватскими домашними (производными) названиями месяцев: *januar* – *siječanj* 'январь', *februar* – *veljača* 'февраль', *mart* – *ožujak* 'март', *april* – *travanj* 'апрель', *maj* – *svibanj* 'май', *juni* – *lipanj* 'июнь', *juli* – *srpanj* 'июль', *avgust*⁸⁶ – *kolovoz* 'август', *septembar* – *rujan* 'сентябрь', *oktobar* – *listopad* 'октябрь', *novembar* – *studeni* 'ноябрь', *decembar* – *prosinac* 'декабрь'.

В состав модели **D** входят производные слова в BS, HR и SR с похожей формой, одинаковым значением и различной частотой употребления. Такие лексемы являются формальными симилемами, семантическими идентемами и частотными дифферемами. Сюда, в первую очередь, относятся слова с рефлексом звука *я*ть типа *devojka* – *djevojka* 'девушка', *svetlost* – *svjetlost* 'свет', *primer* – *primjer* 'пример', *promena* – *promjena* 'изменение', *predsednik* – *predsjednik* 'председатель', *vrednost* – *vrijednost* 'ценность, стоимость', *osećanje* – *osjećanje* 'чувство, ощущение', *izveštaj* – *izvještaj* 'отчет', *ponedeljak* – *ponedjeljak* 'понедельник', *proleće* – *proljeće* 'весна', *posledica* – *posljedica* 'последствие', причем первая лексема в паре является типично сербской в сербском экавском языке, а вторая типично сербской в сербском иекавском языке, в бошняцком и

86 В сербской норме предусмотрена форма *avgust*, а в бошняцкой *august* (Halilović, PBJ s. 163), хотя на практике используется и то и другое (Isaković, *Rječnik karakteristične leksike u bosanskoj jeziku*, s. 54–55).

хорватском языке. Так как такие формы не могут быть больше или меньше экавскими/иекавскими, вряд ли их можно отнести к дивергемам. Их даже нельзя считать межъязыковыми дифферемами, так как сербский язык является одновременно экавским и иекавским. Тот факт, что речь идет об изменении в корне, снимает деривационную значимость парных экавизмов и иекавизмов. В эту группу входят лексемы типа *procenat* – *procent* ‘процент’, *tačka* – *točka* ‘точка’, *takođe* – *također* ‘также, тоже’, *obaveza* – *obveza* ‘обязательство’, *poštovanje* – *poštivanje* ‘уважение’, *dužina* – *duljina* ‘длина’. Среди слов с такой моделью находятся существительные с факультативным **a** типа *dijalekt* – *dijalekat* ‘диалект’, *projekt* – *projekat* ‘проект’, *perfekt* – *perfekat* ‘перфект, прошедшее время’ (первые являются типичными для BS и HR, вторые – для SR).

В рамках модели **E** находятся производные слова с одинаковой формой, различным значением и нерелевантной частотой употребления в BS, HR и SR. Подобные единицы относятся к формальным идентемам и семантическим дифферемам. Сюда относится, напр., лексема *odojče*, которая обычно в SR имеет значение ‘грудной ребенок, младенец’, а в HR ‘жареный ягненок’. Так как ее форму или значение нельзя менять для того, чтобы усилить дивергенцию между SR и HR, она (форма) может быть дифферемой лишь на количественном уровне. В эту модель входят и слова типа *brijač* ‘бритва’ (SR) – ‘парикмахер’ (HR), *veljača* ‘время перехода зимы в весну’ (BS и HR) – ‘февраль’ (HR).

На основе проведенного анализа мы пришли к выводу (1), что словообразовательная дивергенция между BS, HR и SR слабо или никак не проявляется в большинстве слов, относящихся к двумстам самым частотным, (2) что даже в расширенном списке, охватывающем 2000 самых употребляемых слов, нет ни одного форманта, который можно соотнести только с BS, HR или SR, (3) что различия, вызывающие дивергенцию, касаются в большинстве случаев частоты употребления.⁸⁷

87 Что касается изученности словообразования, из 289 отдельных изданий (опубликованных до 2008 г.), которые мы исследовали, нет ни одного, написанного на BS – 56% написаны сербскими лингвистами, а 44% хор-

На грамматическом уровне можно найти лишь некоторые явления, которые относятся к особенностям BS по отношению к HR и SR. Такими некоторыми считают глагольную форму *more*: *ne more*, безличную глагольную форму *ubilo*, *pozvalo* (например, *ubilo ga u šumi*, *pozvalo ga u vojsku*), наречные формы на **-li** (*troškali*, *zorli*), архаизмы славянского происхождения (*mući*, *pohiti*), частицу *hem* (*hem je donio*, *hem je dao*) и др.,⁸⁸ хотя все это можно

ватскими. Что касается периодики, мы рассмотрели 387 работ по словообразованию и пришли к выводу, что лишь 2% относится к BS, 56% к SR и 42% к HR. Позиция бошняцких лингвистов пока сильно не проявляется на этом уровне. Здесь выделяется работа Наилы Валевац, в которой сравниваются языки Боснии и Герцеговины (BS, HR и SR) и выделяются следующие особенности: 1) боснийская и хорватская норма предусматривает только существительные на **-ist** (*lingvist*), 2) в сербской норме допускается и **-ista** (*lingvista*), 3) бошняцкая и сербская нормы допускают дубликаты *diplomati/diplomata*, 4) существительные с суффиксом **-telj** господствуют в HR (*čitatelj*), а в BS используется и суффикс **-lac** (*gledalac*), 5) в хорватском языке существительные на **-ba** (*izvedba*, *provedba*) вытеснили существительные на **-nje** (*izvođenje*, *provođenje*), в то время как в BS более частотным и обычным является второй суффикс, а сербский язык придерживается старых словообразовательных моделей (*nagodba*, *pogodba*, но *izvođenje*, *provođenje*) (Valjevac, “Standardna novoštokavština i jezička situacija u Bosni i Hercegovini,” s. 85–86). В сербской лингвистике не наблюдается большого энтузиазма в изучении словообразовательных различий, и нам неизвестны специальные работы на эту тему. О различиях больше всего говорится в хорватской литературе, причем как правило при рассмотрении конкретных вопросов. Очень часто в таких работах указывается на то, что речь идет о сербизме и что поэтому не рекомендуется его использовать. Что касается бошняцких работ, следует выделить статью Амели Шехович, «Суффиксы имен существительных женского рода в боснийском, хорватском и сербском языках на примере nomina agentis и nomina professionis» (Amela Šehović, “Mocioni sufiksi u bosanskom, hrvatskom i srpskom jeziku (u nomina agentis et professionis),” Branko Tošović i Arno Wonisch, ur., *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika*).

88 Dževad Jahić, “Fragmenti o jezičkim odnosima između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika,” Tošović et al. ur., *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika*, s. 30.

найти и в разговорной/далектной речи HR и SR. В BS существует больше дублетов, чем в HR и SR.⁸⁹ На синтаксическом уровне в BS равноправно используется конструкция *da* + настоящее время (типа *hoću da čitam*), типичная для SR, и инфинитивная конструкция (*hoću čitati*), типичная для HR. В BS (как и SR) меньше, чем в HR встречается разделение именного словосочетания при помощи энклитики *je, su* (напр., *Moj je drug stigao*). Особенностью BS (как и SR) не является сочетание *za* + инфинитив, типичное для HR, скажем *Šta ima za jesti?*^{90, 91}

Исследуемый материал показывает, что различия, обнаруженные в бошняцких, сербских и хорватских текстах, не являются обязательно (автоматически) различиями между бошняцким, сербским и хорватским языками. Причина такого явления состоит в первую очередь в том, что тексты строятся на определенном выборе языкового материала. Их авторы могут выбирать различные единицы, которые также существуют в другом языке или в других языках. Это значит, что межтекстовые различия не должны быть и межязыковыми различиями, т. е. тексты могут различаться, но языки могут совпадать. Иными словами, различное не всегда является различительным. Различное – это все, что не совпадает в текстах, различительное – только то, что дифференцирует языки.⁹²

89 Čedić, “Bosanskohercegovački jezički standard u XX vijeku,” s. 61–64.

90 Ibid., s. 64.

91 О морфологической норме BS, HR и SR см.: Senahid Halilović, “Morfološka norma bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika,” Branko Tošović i Arno Wonisch, ur., *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika*. Некоторые аспекты синтаксических различий между этим языками затронуты в работе Edina Špago-Čumurija, “Bosnian or Croatian? Sintaksičke razlike u kursevima bosanskog i hrvatskog jezika za strance,” Branko Tošović i Arno Wonisch, ur., *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika*.

92 Существуют два типа языковых единиц – 1) те, которые в конкретной реализации различаются, но на межязыковом уровне являются не различительными (псевдодифференции), 2) те, которые дифференцируют языки (дифференции). Первые относятся к псевдодифференциации, вторые – к настоящей дифференциации.

В качестве примера несовпадений в рамках литературного текста проведем анализ одного абзаца сказки «Princeza na zrnu graška» («Принцесса на горошине»).

Бошняцкая версия содержит 121 слов, сербская 112, хорватская 129, (в среднем 121). В восьми случаях различия касаются экавского и иекавского произношения, т. е. рефлекса звука *ять*: *hteo* – *htio*, по *svetu* – по *svijetu*, *uvek* – *uvijek*, *besnila* – *bjesnila*, *devojka* – *djevojka* (2), *djevojku* – *djevojkju*, *lestvicama* – *ljestvicama*. Экавские формы содержит сербский текст, иекавские – бошняцкий и хорватский.⁹³ Существует одно фонетическое различие в паре *suva* – *suha*. Звук *h* является типичным для бошняцкого и хорватского, *v* – для сербского. На уровне лексики выделяются следующие пары: *dvorska kapija* – *dvorska vrata*, *napolju* – *vani*, *dušek* – *madrac*. Первое сочетание (*dvorska kapija*) находим в бошняцкой и сербской версиях, второе – в хорватской (*dvorska vrata*). Слово *napolju* представлено в бошняцком и сербском текстах, а *vani* – в хорватском. Такое же распределение находим в паре *dušek* – *madrac*. На морфологическом уровне в BS и SR форма неопределенного местоимения гласит *neko*, а в HR *netko*. На синтаксическом уровне различной является конструкция *je htio da se oženi* (бошняцкий текст), *je hteo da se oženi* (сербский текст) – *se htio oženiti* (хорватский текст). Таким образом, в текстах BS, HR и SR мы обнаружили одно фонетическое различие, три лексических, одно морфологическое и одно синтаксические. По отношению к числу слов (в среднем 121) их не так много. Кроме того, ни одно из них не является непонятным для носителей другого языка (других языков).

Сербский и бошняцкий тексты отличаются в использовании звука *v* – *h* (*suva* – *suha*) и лексем *postelja* (в сербском) – *krevet* (в бошняцком): *da se spremi postelja* – *da se spremi krevet*. В последнем случае речь идет не о различиях между языками, а в различиях в вы-

93 Однако, как мы уже сказали, экавское и иекавское произношение не являются дифференциями, так как в сербском языке существуют два стандарта – экавский (в Сербии) и иекавский (в сербском языке в Боснии и Герцеговине, Хорватии и Черногории), причем использование иекавицы и в Сербии не является нарушением нормы.

боре, так как оба слова равноправно используются в обоих языках.⁹⁴ Выражения *da se spremi postelja* – *da se spremi krevet* являются различными, но не различительными, так как они не дифференцируют эти два языка.

Бошняцкий и хорватский тексты различаются на лексическом уровне четырьмя парами (*vani* – *napolju*, *na dvorska vrata* – *na dvorsku kapiju*, *da se spremi postelja* – *da se spremi krevet*, *popeti se na postelju* – *popeti se na krevet*), одной морфологической парой (*neko* – *netko*) и одной синтаксической конструкцией (*se htio oženiti* – *je htio da se oženi*). Стилистический характер (нейтральный или экспрессивный) почти не меняется ни в одном тексте.

Как могут выглядеть различия между тремя языками в публицистическом стиле, можно проиллюстрировать отрывком текста «Da li je EU izgubila svoju svrhu». Бошняцкая версия имеет 231, сербская 222, хорватская 228 слов (в среднем 227). На фонетическом уровне существует восемь форм с рефлексом *ять*: *posle* – *poslije*, *leta* – *ljeta*, *doživeo* – *doživio*, *neuspjeha* – *neuspjeha*, *uspješno* – *uspješno*, *posljednjem* – *posljednjem*, *predsedava* – *predsjedava*, *promenio* – *promijenio* (которые, как мы уже сказали, не являются различительными). В бошняцком и сербском текстах на фонетическом уровне нет никаких несовпадений. В лексике различия появляются в парах: *analogija* *sa biciklom* – *uporedba* *sa biciklom*, *Evropska integracija* – *Ujedinjena Evropa*, *poređenje* *sa vožnjom* *bicikla* – *poređenje* *sa voženjem* *bicikla*, *usvajanje* *evropskog ustava* – *ratifikacija* *evropskog ustava*, *smirenost* – *usporenost*, *čuvana* *spособnost* – *poznata* *spособnost*, *integracija* – *ujedinjenje*, *kad* *su* *posmatrači* *u* *medijima* *objavili* – *kad* *su* *posmatrači* *pred predstavnicima* *media* *objavili*, *stoga* *predlažem* – *iz toga* *razloga* *predlažem*, *EU* – *evropsku uniju*. Синтаксические особенности выступают в форме: (1) *kraj* *ujedinjene* *Evrope* – *kraj* *ujedinjenja* *Evrope*, (2) *vide* *kao* *znak* *vrline* – *smatraju* *vrlinom*, (3) *upozoravaju* *neki* – *neki* *upozoravaju*, (4) *malo* *ko* *danas* *priča* *o* [...] – *danas* *malo* *ko* *spominje* [...], (5) *kao* *vuneni džemper* *iz koga se*, *zbog* *nedavnih događaja*, *izvuklo*

94 Этот пример иллюстративно показывает, что в подобном анализе надо отличать различное от различительного: не все различное является различительным.

nekoliko niti – *kao* *vuneni džemper* *i to džemper iz koga se* *zbog* *nedavnih događaja* *izvuklo* *nekoliko niti* (6) *džemper će se* *rasparati* *i* *pretvoriti* *u* *klupko vune* – *džemper će se* *rasparati* *i* *postaće samo* *klupko vune*, (7) *na kraju* – *više neće biti džempera* – *na kraju džempera više nema*.

Что касается бошняцкого и хорватского текстов, различия появляются на фонетическом уровне в парах *Europa* – *Evropa*, *europski* – *evropski*. Орфографические различия представлены примерами: *u Briselu* – *u Bruxellesu*, *projekat Žana Monea* – *projekt Jeana Moneta*. Самые большие несовпадения наблюдаются в лексике: *pulover* – *džemper*, *redoviti* *poslovi* – *redovni* *poslovi*, *nakon* *uzbuđenja* – *poslije* *uzbuđenja*, *nizozemski* – *holandski*, *proračun* – *budžet*, *razdoblje* – *period*, *smirenost* – *usporenost*, *u djeliće* – *u paramparčad*, *integracija* – *ujedinjenje*, *u* *zadnjem trenutku* – *u posljednjem trenutku*, *upravo* – *baš*, *doista* – *zaista*, *analogija* *s biciklom* – *usporedba* *s biciklom*, *europska integracija* – *ujedinjenje* *Evrope*. Словообразовательные различия находим в парах *promatrati* – *posmatrati*, *promatrači* – *posmatrači*. Морфологические различия касаются соотношения форм (1) будущего и настоящего времени (*raspast će se* – *raspada se*), (2) вопросительно-относительного местоимения *koji* – *pulover iz kojega se* [...] – *džemper iz koga se* [...]; [*proračun*] *koji* *željno očekuju* – [*budžet*] *kojeg* *željno očekuju*. Синтаксические различия возникают в конструкциях типа: (1) *da* *dogovore* *proračun* – *da se* *dogovore* *oko* *budžeta*, (2) *vide* *kao* *znak* *vrline* – *smatraju* *vrlinom*, (3) *upravo* *u* *trenutku* *kad* *su* *promatrači* *objavili* *kraj* *ujedinjene* *Evrope* – *baš* *kada* *su* *posmatrači* *objavili* *kraj* *ujedinjenja* *Evrope*, (4) *malo* *tko* *danas* *priča* *o* *novim* *integracijama* – *malo* *ko* *spominje* *nove* *integracije*.

В научном тексте *Astronomija* бошняцкая версия имеет 81 слов, сербская 84, хорватская 89. Существует пять форм с рефлексом *звук* *ять*: *poreklo*, *tela*, *zvezdanih*, *uvek*, *zvezda*.

Бошняцко-сербские различия сводятся к следующему. Фонетические несовпадения отсутствуют, а лексические являются минимальными: *astronomija* *proučava* [...] – *ona* *izučava* [...]. Существует несколько синтаксических особенностей: (1) *nauka* *koja se* *bavi* *opažanjem* – *nauka* *koja* *obuhvata* *promatranje*, (2) *pojava* – *događaj*: *pojave* *izvan* *Zemlje* – *događaji* *koji se* *dešavaju* *izvan* *Zemlje*, (3) *astronomija* *proučava* – *ona* *izučava*, (4) *astronomija* *je* *jedna* *od* *nauka*

u kojima amateri još uvek imaju posebnu ulogu – astronomija je jedna od onih nauka gdje amateri igraju još ključnu ulogu, (5) astronomiju treba razlikovati od astrologije – astronomiju ne treba miješati s astrologijom.

В бошняцком и хорватском вариантах отсутствуют фонетические различия. Лексические несовпадения выступают в парах: *znanost* – *nauka* (*znanost* koja se bavi opažanjem i objašnjavanjem pojava izvan Zemlje – *nauka* koja obuhvata promatranje i objašnjenje događaja koji se dešavaju izvan Zemlje), *astronomija* *proučava* – *ona izučava*, *razvoj* – *evolucija*. Существует одно морфологическое различие: *njezin* – *njen*. Синтаксические особенности появляются в нескольких случаях: (1) *astronomija* *proučava* *porijeklo*, *razvoj*, *fizička* i *kemijska* *svojstva* *nebeskih* *tijela* [...] kao i *proces* koji se *događaju* u njima – *ona izučava* *porijeklo*, *evoluciju*, *te* *fizikalna* i *hemijska* *svojstva* *tijela* [...] kao i *proces* koji ih *obuhvataju*, (2) *astronomiju* *treba* *razlikovati* *od* *astrologije* koja je *pseudoznanost* o *predviđanju* *ljudske* *sudbine* *promatranjem* *putanja* *zvijezda* i *planeta* – *astronomiju* *ne* *treba* *miješati* *s* *astrologijom*, *pseudonaukom* koja *pokušava* *predvidjeti* *ljudsku* *sudbinu* na *osnovu* *praćenja* *putanja* *nebeskih* *tijela*.

В качестве примера из официально-делового стиля мы взяли статью первую «Дейтонского соглашения» («*Dejtonski sporazum*»). Бошняцкая версия содержит 70 слов, сербская 77, хорватская 72 (в среднем 73). Существуют три пары с рефлексом звука *я*ть: *bezbednost* – *bezbijednost*, *rješavaću* – *rješavaće*, *prijetnje* – *prijetnje*.⁹⁵

В бошняцком и сербском текстах преобладают лексические различия: *Strane će* – *stranke će*, *regulisati* – *regulirati*, *strane će* *sprovoditi*

95 Более подробно о фонетических и лексических особенностях бошняцкой версии «Дейтонского соглашения» по отношению к сербской и хорватской см.: Maja Midžić, “Fonetske razlike u bosanskoj, hrvatskoj i srpskoj verziji Dejtonskog sporazuma,” Branko Tošović, Hg., *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen* (Wien – Münster – Berlin: LitVerlag, 2008), “Leksičke razlike u bosanskoj, hrvatskoj i srpskoj verziji Dejtonskog sporazuma,” Branko Tošović i Arno Wonisch, ur., *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika* i “Najfrekventniji leksemi u Dejtonskom sporazumu,” Branko Tošović i Arno Wonisch, ur., *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika*.

svoje odnose – *Strane će regulirati* *svoje odnose*, u skladu sa *principima* – u skladu sa *načelima*, *Ujedinjene nacije* – *Ujedinjeni narodi*, *Helsinški završni akt* – *Helsinški završni dokument*, *Organizacija za bezbednost i saradnju* u Evropi – *Organizacija za sigurnost i saradnju* u Evropi. В одном случае речь идет о синтаксическом различии: *strane će* u *potpunosti poštovati* – *stranke će naročito potpuno poštovati*.

Бошняцкий и хорватский тексты различаются в одной лексической паре: *Strane će* – *Stranke će*. На синтаксическом уровне наблюдаем такое несовпадение: u skladu s *načelima* koja su *izložena* u *Povelji* – u skladu sa *načelima izloženim* u *Povelji*.

Текстуальные различия между BS, HR и SR иногда являются настолько незначительными, что в рамках каждого функционального стиля можно создавать тексты (почти) без каких-либо различий.

Процесс стандартизации и BS создает особую систему отношений с HR и SR. Если считать правильным утверждение о том, что в настоящее время существуют три тенденции – радикальная, умеренная и конформистская,⁹⁶ то можно сказать, что «радикальное направление» (Джевад Яхич, Фарук Коньходжич и др.) больше всего влияет или может влиять на удаление BS от HR и SR, так как оно меньше всего уважает языковую и коммуникативную реальность в Боснии и Герцеговине и прибегает, по мнению И. Палича, к подчеркнутой, нефункциональной архаизации. «Умеренное направление» (Сенахид Халилович и др.) утверждает, что BS является литературным языком не только бошняков, но и представителей других народов, что особенности этого языка являются незначительными и что в нормировании, отличающемся толерантностью, надо создавать баланс между сербской и хорватской нормами. «Конформистское направление» (Ибрагим Чедич и др.) больше других указывает на тождества и сходства между BS, HR и SR и исходит из того, что BS является лишь новым названием «боснийско-герцеговинского языкового выражения», представлявшего название языка в Боснии

96 Ismail Palić, “Mogućnost funkcioniranja triju standardnih jezika (bosanskoga, hrvatskoga i srpskoga) u Bosni i Hercegovini,” Branko Tošović i Arno Wonisch, ur., *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika*, s. 83.

и Герцеговине в 70-е и 80-е гг. XX столетия. Мы бы здесь добавили и четвертое – «нигилистическо-интегральное», отрицающее действующие грамматические и особенно орфографические нормы BS^{97, 98} и подразумевающее под понятием *боснийский язык* (*bosanski jezik*) язык в с е х жителей Боснии и Герцеговины.⁹⁹ Особенностью такого боснийского языка Риджанович считает сохранение системы ударений Вука Караджича, выпадение высоких гласных в безударных слогах, активное использование аориста и этического дательного падежа, а также своеобразную лексику.

Из-за того, что все еще не закончилась нормализация BS, в настоящее время невозможно дать полный и всеохватывающий ответ на вопрос, чем он структурно отличается от HR и SR, уже закончивших процесс стандартизации. Несомненно, четыре процесса в стандартизации BS – исламизация, архаизация, кроатизация¹⁰⁰ и отталкивание от сербского языка создали и создают ситуацию, в которой эти тенденции пройдут проверку на прочность и покажут, насколько они являются нужными, оправданными, целесообразными и рациональными. Эти же процессы приведут в конечном итоге к новому соотношению в треугольнике BS – HR – SR.

97 В последнее время Мидхат Риджанович явно призывает бойкотировать существующие орфографические нормы и призывает защитить «народный язык».

98 Midhat Ridanović, *Totalni promašaj: Prikaz Gramatike bosanskog jezika* Dž. Jahića, S. Halilovića, I. Palića (Sarajevo: Šahinpašić, 2003).

99 Midhat Ridanović, *O bosanskom jeziku, o propadanju Bosne, i... o vama* (Sarajevo: Zalihica, 2009), s. 93.

100 Более подробно о кроатизации см.: Hanka Vajzović, “Jezik i politika: kroatizacije jezika na prostoru Bosne i Hercegovine – agresija ili ustavno pravo?” Branko Tošović i Arno Wonisch, ur., *Bošnjački pogledi na odnose između bosanskog, hrvatskog i srpskog jezika*.

Jezik i identitet slavenskih muslimana: Bošnjaci između lingvistike i politike¹

Hanka Vajzović

Muslimani slavenskog porijekla

Zavisno od ugla promatranja, o južnoslavenskim se narodima muslimanske vjeroispovijesti može govoriti ili kao o *muslimanskim Slavenima* (religijska distinkcija Slavena muslimana naspram Slavena katolika, pravoslavaca) ili kao o *slavenskim muslimanima* (etnička distinkcija muslimana južnoslavenskog prostora naspram muslimana arapskog, turskog ili kakvog drugog porijekla). Kako god bilo, pod obje se te sintagme razumijevaju etničko-vjerske skupine poznate pod imenima: *Bošnjaci*, *Muslimani*, *Goranci*, *Pomaci*, *Torbeši* – da ne nabrajamo moguće njihove sinonimne nazive, jer se nećemo detaljno baviti svim sadržajima (“označena”) koji se pod tim oznakama podrazumijevaju. Ono što ostavlja prostor debatama, moguće je svesti u sljedećih nekoliko pitanja.

1) Da li je riječ (a) o jednoj etničkoj skupini (muslimanski Slaveni) različitoga geopolitičkog određenja i različito imenovanoj, a formiranoj na osnovu iste vjerske pripadnosti (jesu li Goranci isto što i Bošnjaci i slično), pri čemu ne treba zaboraviti da religija ne može biti kriterij za determiniranje etnosa, jer pripadnici iste vjere mogu biti različite nacio-

¹ Ovaj je rad u nekim svojim dijelovima oslonjen na knjigu Hanka Vajzović, *Jezik i nacionalni identiteti – sociolingvističke teme* (Sarajevo: Fakultet političkih nauka u Sarajevu, 2008), bilo samo sadržajno ili da su preuzimani neki (manji) segmenti teksta, više parafrazirano negoli citirano.